БОЯРСКАЯ ЧЕСТЬ

«ОБОЕРУКИЙ»

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

Юрий Григорьевич Корчевский
Боярская честь. «Обоерукий»
Серия «Атаман», книга 4

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17069688
Боярская честь. «Обоерукий» / Юрий Корчевский: Яуза : Эксмо;
ISBN 978-5-222-39475-5

Аннотация

Битвы со степняками на границах Дикого Поля и поход на Литву, схватки с английскими пиратами и штурм Смоленска – судьба продолжает испытывать на прочность нашего современника, заброшенного в Московское Царство.

Пожалованный за верную службу боярским званием, он берет уроки фехтования, чтобы стать «обоеруким» – так величают лучших бойцов, способных сражаться сразу двумя клинками. Обученные им боевые холопы – лучшие в поместном войске, его пороховые ракеты наводят ужас на Орду. А БОЯРСКАЯ ЧЕСТЬ обязывает «попаданца» принимать любой вызов и первым бросаться в самое пекло, будь то самоубийственная атака против целого войска, рискованная вылазка за «языком» во вражеский тыл или смертельно опасная «разведка боем»…

Содержание

Глава I 4
Глава II 27
Глава III 64
Конец ознакомительного фрагмента. 86

Боярская честь. «Обоерукий»

Глава I

Жили мы в Вологде скромно. Я раздумывал – каким трудом заняться, чтобы по душе было. Деньги были, дом куплен, первоначальные нужды не обременяли. Елена, жена моя, как-то быстро обросла знакомыми – сначала перезнакомилась с соседками, затем на службе в церкви постепенно обзавелась знакомыми из среды прихожан. Постреленыш Васька уже знал всех пацанов с улицы и иногда ходил драться стенка на стенку с ребятами с соседней улицы. Только я оставался без знакомых. Плохо: посоветоваться по деловым вопросам не с кем, да и вина или пива не попить за мужским разговором. Временами мне не хватало общения с Иваном Крякутным.

За заботами пролетели осень и зима. Дел по обустройству дома хватало – все-таки начинать жизнь сначала семейному человеку значительно сложнее, чем одиночке.

Наступила Масленица, и мы с Еленой и Васяткой отправились на праздник. Елена принарядилась в лучшие одежды и выглядела барыней. Васятка отъелся за прошедшие полгода, был нами любим и выглядел просто маленьким щеголем.

Да и внутренне он изменился – исчезли неуверенность, боязнь быть униженным и побитым. Каково это – в детские годы ощущать свою ненужность, не чувствовать рядом крепкого отцовского плеча, не знать чувства сытости, трястись от холода? Расцвел Васятка, окреп, поднаторел в грамоте, чему был благодарен Елене и мне. И когда не было в игрищах старших подростков, частенько верховодил сам.

За городскими стенами шумело людское море – пели и плясали скоморохи, не отставали от них добры молодцы и красны девицы. Да и подвыпившие отцы семейств, тряхнув стариной, ломали шапки, били их оземь и пускались в пляс.

У разбитых шатров и палаток торговали сладостями – пряниками печатными, сладкими орешками, разноцветными леденцами на палочках. Кто хотел перекусить, покупали пироги и пряженцы с самой разной начинкой – рыбой, луком, гречневой кашей, сушеными фруктами. Весело кричали зазывалы, предлагая отпробовать вино и настойки. А уж мелкие торговцы, носившие товар на себе, не позволили бы умереть от жажды, предлагая квас и сбитень, а для тех, кто победнее, – сыто. Детвора строила снежные городки, лихие молодцы под восхищенный визг подружек пытались взобраться на скользкий, специально политый водой и слегка обледенелый столб, на верхушке которого красовались призы в виде новых сапог или кафтана. Продавцы разнообразных свистулек и игрушек в виде трещоток производили невообразимый шум. В общем, было на что посмотреть.

Немного поодаль стояло большое соломенное чучело зимы, которому предстояло сгореть в средине праздника. А уж самые бойкие и смелые затеяли драку – стенка на стенку, улица на улицу. Строгие судьи тщательно проверяли, не скрывает ли кто в кулаке свинчатку – драка должна быть честной. Бились до первой крови, упавшего не били и не пинали – помогали подняться и отводили в сторону.

Каждый из горожан был волен смотреть или участвовать в том, что ближе сердцу.

Мы посмеялись на представлении кукольников, купили Васятке леденцов, попробовали пряженцев с луком и яйцом, запили горячим сбитнем и взяли еще парочку пряженцев с вязигой – уж больно соблазнительно пахли. Послушали частушки, поучаствовали в хороводе. Васятка поиграл в лапту, а я с мужиками нашей улицы участвовал в перетягивании каната. Лена засмотрелась на яркие павловские платки, и я купил ей понравившийся. Для женщины подарок – это не только повод похвастать перед подругами, но и материальное доказательство любви к ней ее мужчины.

Радостные, довольные и усталые, мы возвращались домой. Народ расходился по улицам, а за городской стеной пускало струйки дыма сгоревшее чучело зимы.

Вдруг что-то остановило взгляд. Я замедлил шаг, покрутил головой. Вот оно! От меня удалялся ратник, только что прошедший мимо. Я и внимания на него не обратил бы, и только когда он уже разминулся со мной, до меня дошло – у

него на поясе висели две сабли. Две! Не иначе – обоерукий. Раньше я с ними не сталкивался, только слышал. Вместо щита они используют вторую саблю или меч, и владеют таким боевым искусством единицы. Ведь людей, пишущих правой рукой, – большинство, левшей – много меньше, а одинаково пишущих левой и правой – совсем немного. Так и воины обоерукие – редкость.

Я попросил Лену идти домой, пообещав не задерживаться долго, сам же побежал за удаляющимся ратником. Я помнил, как при обороне Устюга мне пришлось вынужденно владеть двумя саблями. Фактически я воевал одной – правой рукой, изредка защищаясь левой, и остро тогда пожалел, что не могу одинаково хорошо владеть обеими. Надо попытать удачи.

Я догнал воина, покашлял, привлекая внимание. Ратник остановился и повернулся ко мне.

«Мать твою, узкоглазый – или татарин, или башкир, может быть, еще кто, – подумал я, – а одет в русские одежды».

Ратник увидел мое замешательство – видимо, сталкивался с этим уже не раз. От удивления или от неожиданности я стушевался.

Молчание затягивалось. Первым прервал его узкоглазый:

– Чем могу быть полезен?

«Тысяча чертей!» – по-русски говорит чисто, да и учтиво, как будто я попал на великосветский раут.

Я взял себя в руки, взглядом показал на сабли.

– Ты обоерукий? – Ратник кивнул.

– Научи сражаться двумя саблями! – выпалил я.

Ратник внимательно меня оглядел. Видимо, мой внешний вид не произвел на него должного впечатления.

– У тебя даже одной сабли нет.

– Праздник сегодня, не можно по городу с оружием ходить – я не на службе.

– Я должен посмотреть, как ты с одной саблей управляешься, потом решу. Приходи завтра с утра на Воздвиженную, третий дом с угла, спросишь у прислуги Сартака.

Попрощавшись кивком, ратник ушел. Я тоже направился к своему дому, удивляясь странностям жизни. Одежда на ратнике русская, речь – без изъянов, но лицо явно азиатское. Что он делает в Вологде, кто таков? А по большому счету – какое мне до этого дело? Пусть научит фехтовать, а кто он – мне безразлично.

Следующим днем я подвесил на пояс свою старую саблю дамасской стали и купленный в Нижнем испанский клинок, оделся в удобную для фехтования одежду и направился к дому странного татарина.

На стук в ворота вышел слуга и на мой вопрос о Сартаке проводил меня на задний двор. Татарин уже был там, только в штанах и плотной рубахе. На лбу его блестели капли пота – похоже, он занимался разминкой.

Я поздоровался, прижал руку к сердцу.

– Не раздумал? – спросил татарин.

– Нет.

– Тогда покажи, на что способен.

Татарин выхватил из ножен саблю и стремительно кинулся в бой. Фехтовал он просто отменно, и, не пройди я в свое время школу сабельного боя у Петра, мне пришлось бы очень туго. Я отражал атаки, переходил в нападение сам, то тесня противника в дальний угол, то отступая под его яростными выпадами. Летели искры от сталкивающихся клинков, звон почти не стихал. Вот татарин поднял вверх саблю. Я остановился, перевел дыхание. А татарин даже и не запыхался, лишь темные круги пота на рубашке выдавали его усилия.

– Неплохо, совсем неплохо. Среди русских я только третий раз встречаю столь умелого бойца. Как тебя звать?

– Георгий.

– Где ты так научился владеть саблей?

– Есть такой воин, именем Петр, вот он и научил.

– Хорошо, правой рукой работаешь неплохо и левую вперед не тянешь – видимо, не привык защищаться щитом. Похоже, нет привычки сражаться в конной дружине, плечом к плечу. С одной стороны – даже лучше. Переучивать тяжелей, чем учить. Сабля легкая, сбалансированная – это чувствуется. А вторая какая?

Я вытащил из ножен испанскую саблю, протянул ему. Татарин взялся за рукоять, помахал ею в воздухе, описав кончиком лезвия несколько кругов и восьмерок.

– Немного тяжеловата, но неплоха. Я возьмусь за твое обучение, однако беру дорого. Думаю, за три седмицы ты осво-

ишь азы двурукого сабельного боя при ежедневных занятиях. И обойдется тебе это знание в новгородскую гривну.

Я кивнул, соглашаясь. Гривна серебром – это не просто много, это очень много. За такие деньги можно купить целую улицу домов. Но и обоерукие встречаются редко, и умение свое передавать другим не очень желают. Можно сказать – мне повезло.

С этого дня и началась моя учеба. Я не знал, кто он такой, чем занимается, но гонял он меня на занятиях до изнеможения. К вечеру я готов был упасть от усталости, а он лишь потел. Двужильный, что ли?

– Нет, не так! – кричал он. – Отступать правой ногой, фехтуешь левой рукой, выискиваешь слабое место в обороне врага. Не бывает так, чтобы не было слабых мест, просто ты их не видишь. Противник всегда слишком надеется на щит, пользуйся этим! И работай, работай левой рукой активнее, противник не должен чувствовать разницу – левой рукой ты бьешься или правой.

Сартак брал в руки щит, наступал на меня, ловко прикрываясь и нанося удары саблей. Потом вручал щит мне, брал в обе руки сабли и показывал прием, находя слабые места моей обороны и обозначая уколы шлепками клинком плашмя. Легкие удары раздражали, я досадовал на ошибки, а раздевшись дома, с удивлением обнаруживал на теле синяки.

Через неделю Сартак потребовал аванс. Я принес гривну, на его глазах рассек мягкое серебро саблей на березовом

чурбачке и отдал половину.

Мы продолжали тренироваться дальше, и чем больше я занимался, тем труднее приходилось Сартаку найти бреши в моей обороне. И настал день, когда я дважды исхитрился ударить Сартака – естественно, плоской стороной клинка, лишь обозначив удар. По его настоянию деревянные палки в учебных боях не применяли. «Боец должен привыкнуть к весу сабли, сродниться с ней – тогда в бою сабля будет как бы продолжением его руки», – говорил Сартак. Сражаться настоящими саблями было опаснее, но, учитывая умение владеть оружием – и мое, и Сартака, обходилось без порезов.

Где-то через месяц упорных занятий мы сражались почти на равных. Почти – потому что все же правой рукой я пока владел лучше. Однако и умение владеть саблей левой рукой возросло многократно. Что я умел до встречи с Сартаком? Лишь отбивать левой рукой с саблей удары, фактически только обороняясь. Теперь мне казалось, что в схватке с противником я буду чувствовать себя увереннее. Щит не всегда можно иметь при себе – тяжел, занимает много места.

Занятия с Сартаком мне нравились, да и он не только получал достойное вознаграждение, но и тренировку, дабы поддерживать себя в форме. В дальнейшем оказалось, что он – сын хана Ачегама, плененного и сосланного в Вологду. Здесь хан жил в качестве почетного пленника, завел себе русскую жену. Вот откуда хорошее знание русского языка и наших обычаев.

Настал день, когда Сартак сказал, что я уже вполне освоил фехтование двумя саблями. Я поблагодарил его и вручил вторую половину гривны.

– Совершенству нет предела, если будешь настойчив и удачлив, то каждый бой с противником будет лишь шлифовать твое мастерство. Ежели будет желание, можешь заглядывать иногда – пофехтуем.

Так я заимел нового знакомого в Вологде, причем встречаться с ним мне пришлось еще не раз, и не только в учебных поединках.

Месяца через полтора, когда подсохла грязь на дорогах, аккурат после Радоницы, я выехал конно осмотреть скипидарный заводик, что намеревался купить по случаю. Деньги потихоньку таяли, и пришлось думать, чем заняться. Нет, денег еще было много и хватило бы при их разумном расходовании на несколько лет, но кто знает, какие непредвиденные расходы могли предстоять? Да и дело какое-то надо себе подбирать, чтобы было чем заняться. Купец или промышленник – лицо уважаемое. Сейчас же мой статус был довольно неопределенным – ни ремесленник, ни купец, ни крестьянин. А принадлежность к сословию – это вес в обществе, возможность одеваться согласно статусу и еще много чего. Например, голосование по любому поводу. В Новгороде на вече голос любого свободного жителя имел вес – что мужчины, что женщины. На Вологодчине были свои устои, голосовали выборщики. От десяти крестьян – один голос и один

выборщик, от ремесленников – один выборщик на пять человек, а среди купцов – каждый голосовал за себя. Выбирали не наместника – его назначал государь, а собрание решало вопросы налогов или сколько выделить денег на ремонт городской стены.

Вот и решил я податься в промышленники. Стать купцом мне было сложно – все-таки надо было не просто купить, перевезти и продать товар. Нужен был нюх на выгоду, некоторая удачливость. Промышленник приравнивался к купцу. Я полагал, что смогу управляться с производством скипидара, представляя в общем процесс его получения, да и производство уже отлаженное – мастера были.

Так и ехал я, не погоняя коня, любуясь северными красотами: Белозерьем – краем, насчитывающим две сотни озер, удивительно притягательным своей неброской, но западающей навсегда в душу красотой Русского Севера, и с наслаждением вдыхая чистый воздух. В городе зимой было дымно от печей, и только ветер, сдувавший за город дым, помогал дышать чистым воздухом в полную грудь.

Впереди, довольно далеко от меня, послышались крики, звон оружия. Я хлестанул коня и помчался к месту схватки. В том, что там кипел бой, я не сомневался – уж очень шум характерный.

В лесу, за поворотом дороги, стояла карета – редкость в этих краях. Вокруг нее шла схватка не на жизнь, а на смерть. Защищали карету четыре человека в иноземной одежде, на-

падали – с десяток наших, одетых в зипуны и старые однорядки. Доморощенные разбойники одолевали.

Подскакав, я с ходу срубил голову одному, вытащив из-за пояса испанский пистолет, выстрелил в грудь второму, уже взгромоздившемуся на крышу кареты. Только тут разбойники обратили на меня внимание.

Я пришпорил коня, описал полукруг вокруг кареты, зарубил татя, пытавшегося открыть дверцу. Спрыгнул с коня – сейчас он мне не столько помогал, сколько мешал, выхватил из ножен вторую саблю, и – пошла мясорубка… Разбойники были злы и напористы, но оружие плохое, а умения им пользоваться почти не было.

Через пару минут все было кончено. В лес успел удрать только один тать, да и то бросивший топор. Из защитников остались только двое, да и то – раненых, тяжело дышащих. Я взглянул на их оружие и чуть не рассмеялся – да кто же в Россию со шпагами ездит? Здесь надобно оружие посерьезнее.

Поняв, что бой кончился, дверцу кареты распахнули, осторожно выглянул иноземец. Их сразу можно отличить от наших – лицо бритое, одежда другая. На наших штаны широкие, а у этого – нечто вроде лосин, туго обтягивающих ноги. На теле – куцый темно-зеленый кафтан. На голове – парик.

Иноземец огляделся, заметив меня, спустился по ступенькам, подошел.

– Мы есть торговое посольство из Британского королевства. Есть очень большой сенкью. Мы благодарен, – на ломаном русском молвил иноземец.

Ага, понятно, торговые представители пожаловали. Не иначе – хотят торговать, причем едут, чтобы скидки получить или иные привилегии. Слышал я уже о них, ходят по городу разговоры, что представители голландские да аглицкие приехать должны. Вот и приехали, вместо хлеба-соли разбойнички местные обобрать решили. Тоже, наверное, прослышали про скорый приезд иноземцев. Как говаривал незабвенный таможенник Павел Верещагин – «за державу обидно!».

Я снял скуфейку, поклонился.

– Кто таков? Имя назови, я обязательно бургомистру доложу.

– Нет у нас бургомистров, посадник городской есть. А звать меня Георгий, фамилия – Михайлов.

Я свистом подозвал лошадь и уже собрался подняться в седло, когда англичанин понял, что я намереваюсь уехать.

– Нет, нет, не можно уехать! У нас почти не осталось охраны, прошу великодушно сопроводить нас до города.

Из открытой дверцы кареты показались головы еще двух иноземцев в напудренных париках.

Ну что ты будешь делать, срываются мои планы, а до заводика всего-то пять верст осталось. Как говорится – не делай добра, не получишь зла. Придется и в самом деле сопро-

водить заморских гостей.

Одного раненого из охраны поместили в карету, второй, легко раненный в руку, взгромоздился на облучок, щелкнул кнут – и мы тронулись.

Я ехал на коне впереди, указывая путь и одновременно охраняя карету. Однако больше никто не изъявлял криминальных желаний, и мы подъехали к Вологде. Я сопроводил их до управы, сказал охраннику у дверей, что прибыли представители торгового сообщества из Англии, развернулся и уехал.

Осматривать скипидарный заводик было уже поздно, и я направился домой.

На следующий день я снова выехал на осмотр заводика. Проезжая мимо места вчерашней схватки, я не увидел ничего, что говорило бы о вчерашнем событии, кроме примятой травы. Не было трупов, не валялось оружие – даже кровь уже впиталась в землю. Мародеры здесь побывали, что ли?

Подивившись, я проехал к заводику, осмотрел бревенчатую избу, где помещалось нехитрое оборудование. В цене с продавцом сошлись быстро, мне удалось значительно сбить ее. Жизнь здесь научила этому искусству. Мы ударили по рукам, составили купчую, и я на правах владельца уже обговаривал все со старшим мастером.

Производство работало уже не первый год, мастер был опытен, и моего непосредственного и неотложного вмешательства не требовалось. Только следи за вывозом скипидара

да контролируй продажу, периодически приезжая за деньгами. Совсем необременительно, зато как звучит – владелец скипидарного завода! Еще прикупить какой-нибудь заводик, что ли? Скажем – свечной? Надо обмозговать на досуге.

За две последующие недели я еще пару раз посетил свое производство и остался им доволен. А далее события закрутились как вихрь.

После полудня на улице застучали копыта, затем раздалось: «Тпру!» – и напротив моего дома остановилась уже знакомая мне карета. Я в это время был во дворе, и через забор мне был виден только верх экипажа.

В калитку постучали, и я пошел открывать.

У ворот стоял знакомый англичанин. Увидев меня, он расплылся в улыбке.

– Рад приветствовать храброго воина в его доме! Добрый день, Георгий Михайлов!

– Здравствуй, гость торговый, проходи в дом.

Я проводил гостя в дом, усадил в кресло.

Елена по обычаю преподнесла ковш мальвазии. Иноземец с поклоном принял ковш, вдохнул, выпил до дна и перевернул, показывая, что он пуст. Уже познакомился с нашими обычаями, а может – и раньше здесь бывал, знает.

– Я решил посетить и отблагодарить тебя, Георгий. Твое своевременное вмешательство спасло наши жизни и позволило заключить с Вологдой выгодный обеим сторонам договор.

С этими словами англичанин вытащил из поясного кошеля звякнувший монетами скромный кожаный мешочек и положил его на стол.

– Это наша благодарность. Мы понимаем, что ты рисковал жизнью, спасая от свирепых разбойников незнакомых людей. К сожалению, подобные происшествия бывают и в моей стране. У короля не хватает преданных людей, чтобы искоренить сие зло. Я видел рыцарские турниры, правда – со стороны, но такого мастерства, когда ты двумя саблями лихо расправился с нападавшими, я не видел и даже не слышал о таком. Редко можно встретить в этой варварской стране благородного человека.

Я слегка скривился. Может быть, в глазах Европы мы и варвары. Конечно – ходим в шкурах, как они называют шубы и шапки из меха, но им бы наши морозные зимы, повымерзли бы! Зато каждую неделю в баню ходим, а кичащаяся своей цивилизацией Европа не моется годами, а вместо того, чтобы мыть пол, просто застилает его свежей соломой. Так кто из нас варвар?

Сделав такой вывод, я улыбнулся. Англичанин счел неприятный момент исчерпанным.

– Не хотел бы ты, Георгий, заработать?

– И в чем же будет заключаться моя работа?

Я уже предположил, что меня хотят нанять охранником. Конечно, найти желающих можно, вот только каковы они в деле? Это прекрасно понимали и иноземцы.

– Мы хорошо заплатим – золотом.

– Сколько?

– Двадцать соверенов.

В принципе – сумма неплохая, делать сейчас особенно нечего, можно и взяться.

– До какого места я должен нести охрану и доставить вас?

– В Лондон.

Я присвистнул. Далековато. Хотя сейчас уже поздняя весна, штормов на Балтике быть не должно. От Вологды до побережья каретой – ну пусть пять дней. За месяц туда и обратно должен обернуться.

– А сколько вас человек?

– Трое. Мы уезжаем все, везем самое важное – грамоту договорную.

– Когда выезжать?

– Через два дня.

– Давайте задаток – пять золотых.

Англичанин сморщил нос, как будто откусил лимон, полез в кошель и отсчитал пять соверенов. Прощаясь, попросил не брать коня – в карете есть место – и держать все в секрете.

– Видишь ли, Георгий, Голландия тоже хочет подписать такой же договор, но они не должны знать, что Англия его уже подписала, и главное – на каких условиях. Вскоре в Вологде будут британская фактория и склад.

– Тайну вашу я никому не собираюсь разглашать, а усло-

вия я и сейчас не знаю. И скажу откровенно – они меня не интересуют.

Мы раскланялись. Я позвал Лену, сообщил, что через два дня отбываю, через четыре седмицы вернусь, если ничего не произойдет.

– Немчика охранять будешь?

– Его. Вот задаток оставил, забери. На месте я получу остальное.

Пару дней я провел в неспешных сборах: подбирал удобную одежду, точил саблю и нож – даже не столько точил, сколько правил на старом кожаном ремне. Довел сабли до бритвенной остроты – брошенный сверху на лезвие волос разрезался на две половины под собственным весом. Прикупил на торгу свежего пороха и свинцовых пуль для пистолета. Единственное, что несколько омрачало мою предстоящую поездку – отсутствие европейского платья. Я утешал себя тем, что в карете меня не будет видно, на судне матросам вообще все равно, во что одеты их пассажиры, а в Лондоне я не собирался задерживаться. Сойдут мои подопечные на берег – и адью. Тут же сажусь на попутное судно и – назад, в Россию.

Два дня за хлопотами пролетели быстро, и настал момент, когда карета вновь остановилась у моего двора. На облучке восседал старый знакомый, что был в схватке ранен в руку. Повязки сейчас на нем не было, и я решил, что с ним все в порядке. Мы чинно раскланялись, дверца кареты распах-

нулась, и я, провожаемый женой и, конечно же, Василием, уселся в карету.

Кучер щелкнул бичом, и карета, запряженная парой битюгов, тронулась с места. Мама моя, на мостовой трясло так, что я боялся прикусить язык. Благо, что сиденья были мягкими. Англичанин представил двух своих попутчиков, они были в чем-то похожи – мистер Пит и мистер Стивенсон. Сам же глава миссии звался Смитом. Я так и не понял, имя это или фамилия, хотя похоже – второе.

На грунтовой дороге тряска почти прекратилась, и спутники мои, сморенные дорогой, уснули; лишь я бдел, отрабатывая деньги, да кучер с облучка иногда щелкал бичом.

Верста за верстой уплывали назад российские просторы.

Дорога оказалась скучной – в пути англичане спали или лениво переговаривались. Никаких поползновений со стороны земляков-разбойничков не было, и через пять дней мы благополучно добрались до Нарвы. Здесь нас уже поджидал двухмачтовый английский бриг с гордо реявшим на флагштоке британским флагом.

С кареты англичане пересели на корабль.

Я сделал попытку освободиться от дальнейшего сопровождения, даже уступив половину цены за работу, но Смит оказался непреклонен.

– Деньги будут в Лондоне, – отрезал он.

И зачем я ему нужен на английском корабле? Вокруг его же земляки, правда, вид у них был еще тот, прямо скажем –

почти разбойничий. Судно было не военным, по крайней мере – пушечных портов на борту я не увидел, и команда была одета разношерстно, за исключением капитана и его помощника, гордо разгуливавших по палубе в темно-синих камзолах.

Почти сразу после нашей посадки корабль отвалил от причала, из чего я сделал вывод, что корабль не случайный, нас ждали. Видимо, англичане придавали торговому посольству в России большое значение.

И вот тут я увидел хваленую английскую морскую выучку. По свистку боцмана матросы лихо взлетали по вантам на реи, крепя паруса. Судно ловко лавировало в тесной гавани и вскоре вышло в открытое море. Дул легкий ветерок, паруса быстро несли судно.

Глядя, как быстро удаляется берег, я подивился про себя искусству английских корабелов. Корабль был, несомненно, хорош. Не из таких ли судов, доведя их до совершенства, англичане создали свои частные клиперы, бившие рекорды скорости?

Торговая делегация удалилась в каюты, боцман показал мне мой гамак на нижней палубе. Имущества у меня с собой не было, кроме оружия, и я предпочел остаться на палубе. День стоял теплый, и мне было интересно понаблюдать за слаженной работой английской команды, напоминавшей отлично выверенный механизм. Подустав, после обеда я улегся в гамак и проспал до утра. Выспался на несколько дней

вперед.

Следующие дни я бродил по палубе, задавая себе вопрос: зачем меня взяли на эту английскую посудину? Вокруг земляки, опасности никакой, а если и случится нападение каперского судна, то что я смогу противопоставить пушкам и команде головорезов? Придется набраться терпения, уже и недолго осталось.

Настал день, когда я увидел вдали, в дымке, землю.

– К вечеру будем в королевстве, – важно изрек капитан.

Боцман принялся гонять команду, устроив приборку – видимо, капитану хотелось показать по прибытии в Лондон образцовый порядок и чистоту на судне. Стремление, впрочем, неплохое. Где чистота – там обычно порядок.

Однако пристать к вечеру к берегам Англии нам было не суждено. К полудню поднялся ветер, перешедший в шквалистый. Небо затянуло черными тучами. Волны вздымались все выше и выше, корабль швыряло на просторах Северного моря как щепку. Нас стало сносить мористее.

На палубе осталось только несколько человек, остальные, в том числе и я, опасаясь быть смытыми за борт, спустились на нижнюю палубу.

Море я не любил. Вернее, мне нравилось купаться, загорать на бережку, но – в спокойных условиях, где-нибудь под Сочи или Анапой. А болтаться на суденышке в шторм – увольте.

Ветер усиливался, судно не просто раскачивалось – его

клало с борта на борт, и я опасался, что в один из таких моментов оно не вернется на ровный киль, в вертикальное положение.

Стемнело, не было видно ни зги. Волны сильно били в левый борт, но корабль стойко переносил удары стихии.

Вдруг сверху, с палубы, раздался сильный треск и удар. Боцман с несколькими матросами бросился наверх, на палубу. Через открытый люк полились потоки воды, ворвался ветер. Кошмар какой-то!

Раздались удары топора, какой-то непонятный стук и снова удар. Что же там происходит? Лучше посмотреть – я не любил неожиданностей.

Я выбрался на палубу и ухватился за леер. Ветер сбивал с ног. Вот оно что – сломалась одна из мачт, почти у основания. Рухнула на палубу, проломив кормовую надстройку. Команда перерубила ванты и снасти и сбросила мачту с корабля. Корабль выглядел теперь как после крушения – мачты нет, снасти оборваны или перерублены, кормовая надстройка зияет проломом. Матросы обвязались веревками, остерегаясь быть смытыми за борт.

Я снова распахнул люк и спустился вниз. Помочь я ничем не мог, а находиться наверху, на палубе, было рискованно.

В борьбе за жизнь корабля прошла бессонная ночь.

Утро было еще ужаснее: на нас катились огромные валы воды, кораблик носом зарывался в них и с трудом всплывал снова.

День выдался несколько светлее ночи. Тучи стлались над морем, едва не цепляя макушку мачты.

Команда лежала измотанная, и лишь у руля двое матросов удерживали штурвал, не давая волнам ударить в борт. Но и эта единственная способность корабля держаться против ветра и волн вскоре исчезла.

Ближе к вечеру огромная волна приподняла судно и бросила его в пучину. Раздался треск, на нижнюю палубу, где укрывалась от волн и ветра команда, ввалились мокрый с головы до ног боцман и оба рулевых.

– Перо руля отломилось, теперь мы не можем держать корабль против волны, – доложил боцман.

Моего школьного и институтского знания английского еле хватало, чтобы понять, о чем идет речь.

– Я больше не могу управлять кораблем, слишком сильны повреждения, – сказал капитан. – Теперь все в руках Божьих. Встанем на колени и помолимся.

Вся команда и пассажиры встали на колени и начали молиться.

И каждый про себя думал – настал мой последний час!

Корабль швыряло, как игрушку, он ложился набок, взлетал на гребень волны и проваливался в пучину моря.

Я еще не встречался с проявлением такой силы природы, при котором так остро ощущаются собственная ничтожность и бессилие.

Наступила вторая ночь. Даже привыкшие к качке матросы

мучились морской болезнью. Многих рвало, и запах стоял невыносимый. Я открыл люк, выбрался на палубу, обвязал вокруг пояса веревку. Рев ветра здесь был сильнее, но хотя бы воздух был свежий. Из-под днища судна раздался удар, затем еще один. Потом корабль подняло волной и швырнуло набок. Я услышал сильный треск, и внутрь корабля с ревом хлынула вода. Корабль был обречен. Еще один водяной вал ударил корабль и с размаху бросил его прямо на скалу.

Молния осветила разбитый нос, от удара веревка лопнула, и я полетел за борт. С корабля раздавались крики. Я заработал руками и ногами, пытаясь удержаться на поверхности, но море было сильнее. Меня приподняло волной, я наглотался воды и в завершение сильно ударился обо что-то твердое. Я лишился сил.

Глава II

Очнулся я уже утром. Светило солнце и било прямо в глаза. Во рту было сухо и полно песка. Я кое-как отплевался и осмотрелся вокруг. Лежал я на пустынном берегу, метров через пятьдесят стояли стеной деревья. Я сел. Слабость в теле была сильной, покруживалась голова, слегка тошнило. На берегу, за моей спиной, высилась небольшая скала – футов пятнадцать в высоту. В нее и уткнулся наш корабль.

Сейчас он представлял собой довольно жалкое зрелище. Носа практически не было, вдоль борта зияли проломы, оголяя шпангоут. Ветер стих, и волны ласково плескались о борт потерпевшего крушение судна. А что творилось два дня подряд? Сплошной кромешный ад.

Я на четвереньках добрался до воды, прополоскал рот – на зубах противно скрипел песок – и умыл лицо. Стало немного лучше. Я поднялся и подошел к кораблю.

– Эй, есть кто живой?

Тишина. Надо посмотреть, что сталось с моими попутчиками. Через пролом в борту я проник в трюм корабля. По колено в нем стояла вода, где плавали два трупа. Я побрел дальше.

Никого. Я хорошо помнил, что на судне было около тридцати членов команды, трое из торговой делегации и я. Нашел я только два трупа. Должны же быть еще люди? По моим

подсчетам, в экспедиции был тридцать один человек. Может быть – покинули судно и сошли на берег? Надо поискать следы на берегу.

Тем же путем, через пролом в борту судна, я вернулся на сушу, прошел вдоль кромки прибоя. Следов не было. На душе скребли кошки. Где я? Что за земля, где мои попутчики?

Я вновь проник на судно, напился воды из латунного бака, нашел пару отсыревших сухарей и с жадностью съел. Надо осмотреть окрестности, может быть – какая-нибудь рыбацкая деревня рядом. В полукилометре возвышался приличных размеров холм, и я направился к нему.

То ли ослаб я, то ли холм казался ближе, чем есть на самом деле, только шел я до вершины часа два. А когда взобрался и осмотрелся вокруг, настроение мое совсем упало. Суша оказалась всего-навсего островком… Километр в длину и метров триста в ширину. Вокруг плескалась вода, и только очень далеко на востоке чуть проступала полоска суши.

Куда же меня занесло? Где дом? Где люди? Никакого жилья или признаков присутствия людей на острове я не увидел. Повторять судьбу Робинзона Крузо мне совсем не хотелось.

Так, надо действовать. Пока есть силы – перетащу с корабля на берег съестные припасы.

Не дай бог повторится шторм – есть будет нечего.

Три дня я перетаскивал с корабля и относил подальше от воды сухари, солонину, крупы, соль. Даже ухитрился прика-

тить бочку с вином и вторую, поменьше, – с ромом.

На четвертый день, когда уже ломило спину от перетаскивания тяжестей, я решил передохнуть и обойти остров по берегу. Надо все-таки осмотреть остров тщательнее и заодно узнать, есть ли здесь пресная вода. На ближайшее время – месяца на два – продовольствие есть, но пресная вода на судне может скоро закончиться, что тогда?

Я зарядил пистолет свежим порохом, проверил, легко ли сабля выходит из ножен, и тронулся в путь. Идти по плотному песку было легко.

Через полчаса хода я наткнулся на небольшой ручеек, стекавший в море. Я вдосталь напился свежей воды. Теперь я точно знал, что смерть от жажды мне не грозит.

Немного передохнув, я продолжил путь. Ничего, что напоминало бы о присутствии человека, я не нашел, и часа через четыре вновь вышел к разбитому кораблю. Уселся на разбитой палубе. Итак, две новости: одна хорошая – есть вода, вторая плохая – остров необитаем. Где я? Бывают ли здесь корабли? Как далеко мог шторм отнести наш корабль? Эти вопросы мучили меня больше всего.

Капитан держал курс против ветра, пока не сломало руль – дальше нас носило по волнам, как щепку. По моим очень приблизительным расчетам, далее чем на пятьсот миль унести судно не могло. Значит, я не очень далеко от Европы. Это давало хоть какую-то надежду. Если невдалеке проходят торговые пути, есть шанс, что меня могут найти – если я по-

дам сигнал.

Надо сложить на вершине холма сучья, приготовить костер. Как только увижу судно – зажгу костер. Причем даже хорошо, если дрова будут не совсем сухие – больше дыма будет. Займусь этим завтра с утра. Теперь же надо тащить с корабля все, что можно унести одному человеку, начиная от плотницких инструментов и кончая веревками. Мне нужно построить на берегу хоть какое-то укрытие от непогоды: шалаш, хижину – что получится. Все-таки я не плотник.

Остаток дня я вытаскивал инструменты, кое-какое оружие, котелки, мешки, ложки, доски, парусину от парусов и много чего еще, полезного в моем положении. Сначала я с палубы сбрасывал все на берег, потом спускался с разбитого судна и относил вещи подальше от воды.

Я уже приметил, что во время прилива морская вода довольно далеко заходит на берег, иногда оставляя после отлива приятные сюрпризы в виде рыбы. Мне даже удалось дважды сварить уху – плохо только, что, кроме рыбы и соли, в этой ухе не было ничего. Зато запивал я скромную уху очень неплохим вином. Видимо, это вино на судне предназначалось для корабельных начальников, а может быть, его перевозили на продажу.

За неделю я ободрал корабль, вытащив все, что мог унести. Жалко, что компас был разбит, зато в каюте капитана я нашел сундучок с морскими картами и секстантом. Ах, как жаль, что я не умею ими пользоваться – хотя бы определил,

куда меня занесла стихия. В разбитом комоде нашлась и судовая касса – два увесистых мешочка: один потяжелее – с золотом, другой – с серебром. Я с любопытством разглядывал иностранные монеты; сначала хотел оставить ценности на судне, потом все-таки решил забрать на берег. На острове они не нужны – на них здесь не купишь ни еды, ни одежды, но в душе я питал надежду, что остров как прибежище – не навсегда, что мне удастся каким-то образом выбраться на материк.

Обходя островок, я обнаружил интересную скалу: внизу у нее был уступ, и каменная глыба нависала карнизом над землей, образуя естественное укрытие. В голове созрела мысль – ведь стоит спереди и немного с боков загородить досками эту полупещеру, как получится небольшое жилище с непротекающей крышей.

Я перетаскал сюда доски с обшивки корабля и два дня занимался строительством деревянных стен. Укрытие получилось неказистым, небольшим по размеру, но от ветра и ночной прохлады защищало, и я надеялся, что и от дождя укроет тоже. Затем я перетащил сюда самый ценный груз – оружие, продовольствие и судовую кассу.

Ежедневная тяжелая работа настолько меня утомила, что я решил дать себе день отдыха.

Взобравшись на вершину холма с подзорной трубой, которую обнаружил в каюте капитана, я стал обозревать морскую гладь.

Вдалеке, на восходе солнца, виднелась узкая полоска суши. Эх, добраться бы до нее. Мне бы хоть маленькую шлюпку. К сожалению, бывшую на корабле довольно большую шлюпку сорвало еще в самом начале шторма. Плот делать долго – надо рубить деревья и как-то перетаскивать их к воде. В одиночку эта работа займет не один месяц, к тому же я не знаю, какие здесь течения. Учитывая, что плот трудно управляем, меня могло унести неизвестно куда.

Больших деревьев, пригодных для того, чтобы можно было сделать лодку-долбленку, на острове не было. За полдня, что я просидел на вершине, нигде – даже вдали – не промелькнуло ни одно судно, не показались паруса. Видно, островок лежал вдали от оживленных морских путей.

Завтра начну собирать сучья и разведу на вершине костер. Может быть, хоть кто-нибудь заметит огонь или дым. Обычно на море такие сигналы не остаются без внимания. Однако я не стал спешить с костром: бывает, поспешность может стать и роковой…

Спустившись с холма, я забрался в свое жилище, улегся в гамак, принесенный с корабля, и уснул. Известное дело: сон – лучший отдых. Во сне я видел дом в Нижнем, Лену с Васяткой, купца Крякутного. Мне даже во сне захотелось домой. Потом раздалась стрельба, и мне подумалось: «Опять татары напали?» Я вздрогнул и проснулся. Тишина. Я вновь стал придремывать, когда послышались выстрелы. Стреляли где-то на берегу. Я вскочил, сунул за пояс заряженный пи-

столет, поправил саблю и выбежал из хижины. Стреляли далеко, где-то у западной оконечности острова.

Я шел по лесу вдоль берега, не выходя на открытое место. Жизнь научила осторожности. Неизвестно – кто стреляет и почему.

Подобравшись поближе к западному побережью, я услышал громкие крики на английском. Занятно. Прячась за кустами и деревьями, я приблизился. У берега стояла шхуна, а на мачте болтался «Черный Роджер». Пираты! Мне на острове только их и не хватало для полного счастья! Чего их сюда занесло? И как скоро они уберутся с острова? Вот уж кого я не стал бы просить взять меня на борт. Еще большой вопрос – сразу меня прирежут или выкинут с палубы в море. А если и останусь на судне и встретится военный корабль – вздернут на виселице без суда и следствия. И никому я не докажу, что не пират и попал на судно случайно. Нет, буду ждать другого удобного случая.

Пираты высыпали на берег, пили из бутылок вино или ром – кто их там разберет? Шумели, ругались, палили из пистолетов в воздух. Вели себя, как в распоследнем кабаке. Видимо, обмывали успешно провернутое дельце. Не иначе – добыча попалась богатая. Захватить бы посудину, да это только мечты…

Насколько я смог посчитать – их двадцать шесть человек, а я один. А пираты – народ решительный, отчаянные сорвиголова, крови не боятся – ни чужой, ни своей. На испуг их

не возьмешь. Как говорится – «не по Хуану сомбреро» или, если по-русски, – «не по Сеньке шапка». А если угнать корабль? Тоже отпадает вариант, хотя бы по той самой причине, что не моряк я. Видел, как ставят паруса, стоят за штурвалом, но сам не пробовал. При взгляде со стороны действия профессионала всегда кажутся простыми и легкими. Но это только видимость. Да и для того, чтобы распустить паруса, нужен не один человек, а хотя бы четверо-пятеро. А я – один. Черт, судно – вот оно, рядом, а не уплывешь с этого островка.

Пираты вытащили с судна связанного человека и поволокли его к дереву. Прислонили к стволу ясеня и примотали веревками. Вернулись на судно и таким же образом вытащили и привязали рядом второго. А далее, не обращая внимания на привязанных, пустились в разгул. Развели на берегу костер, начали жарить мясо. До меня долетали ароматы, от которых потекли слюнки. Как же давно я не ел свежей убоины. Каждый день солонина да сухари. На острове водились птицы, но у меня не было лука. Можно было соорудить силки, чем я и думал заняться, но в заботах об обустройстве жилища руки до свежего мяса не доходили. Надо забыть о мясе, хотя запах, дразнящий мое обоняние, был просто восхитителен.

Сейчас другое должно меня занимать. Кто эти пленники? Тоже пираты, которые проштрафились, скажем, за попытку бунта или крысятничество при дележе добычи? Или лю-

ди с захваченного ими судна? Что делать? Попытаться их втихую освободить? Ночью можно попробовать, если пираты не убьют их раньше. И опять же – если я их освобожу, негодяи с утра бросятся искать беглецов. Остров невелик, и нас найдут быстро. Оружия у меня в хижине хватает, но умеют ли пользоваться им привязанные к дереву люди? Ждать и спокойно смотреть, как убьют, возможно, невинных жертв? Или совершить роковую ошибку и самому погибнуть вместе с неизвестными от рук пиратов? Цена ошибки – моя жизнь.

Меж тем начало смеркаться. Пираты ели поджаренное мясо, пили ром из бочки, прикаченной с корабля. Между ними иногда вспыхивали ссоры и даже потасовки, пресекавшиеся, впрочем, довольно быстро. Я уже приметил пирата, которого остальные разбойники слушались беспрекословно. Наверное, их капитан. Надо запомнить его приметы, и если придется принять бой, постараться убить его в числе первых. О привязанных к деревьям пленниках пираты на время забыли. Не иначе – оставили кровавое представление на утро, на похмелье.

Я пополз к пленникам. Моя задача облегчалась тем, что пленники были привязаны к деревьям, стоящим на опушке леса.

В лесу было уже совсем темно, а на берегу ярко, разбрасывая искры, горел костер. Это хорошо, от света смотреть в темноту – ничего не увидишь. Я поднялся, прячась за деревом, подошел к пленнику, осторожно тронул за плечо. Муж-

чина вздрогнул от неожиданности, но смог сдержаться – не крикнул, даже не повернул головы. Молодец, значит, есть выдержка. По-моему, мы сладим.

– Ты кто?

В ответ – быстрый шепот на французском. Ни черта непонятно. Языка не знаю, да еще и лопочет очень быстро. Я медленно повторил вопрос на английском. Пленник понял, кивнул.

– Шевалье де Гравье.

Шевалье – это добрый знак, значит, не из пиратского племени. Я посмотрел на пиратов. Пьянство продолжалось, на пленников никто не обращал внимания. Да и чего на них смотреть? Связаны добротно и никуда дальше острова не убегут.

Я вытащил нож, разрезал веревки. Пленник стал растирать затекшие руки. Затем показал на нож. Немного поколебавшись, я отдал нож ему. Шевалье, прячась за деревьями, подошел ко второму пленнику, разрезал путы, тихо что-то прошептал на ухо. Оба вернулись ко мне. Шевалье с видимой неохотой вернул нож. Мне ничего не оставалось, как вести их за собой в свою хижину. Теперь моя судьба неразрывно связана с этими двумя бывшими пленниками. И времени у нас, чтобы решить, что делать дальше, только до утра. Утром пираты обнаружат пропажу пленников и устроят поиск беглецов.

Я завел их в хижину, зажег масляный светильник, снятый

мной с кормы судна.

Пленники разочарованно обвели взглядами хижину. Похоже, они надеялись, что я приведу их в дом или в крепость. Головой ручаюсь, они и сейчас не знали, что находятся на маленьком, необитаемом островке.

– Маркиз де Люссак, – представился второй пленник пиратов, кивнув.

– Я московит, русский, Георгий.

– А, Георг, как английский король. Спасибо за освобождение. Где мы?

Как мог, используя слова, которые удалось вспомнить, я объяснил, что потерпел кораблекрушение и вот – мы на острове. Настроение у бывших пленников упало. Остров – это плохо, с него не уйти, и мы вынуждены принимать решение. Это они уже поняли сами.

Я подошел к оружию, сваленному в углу хижины, откинул рваный парус, жестом богатенького Креза пригласил господ к арсеналу. Мужчины подошли, окинули груду оружия жадными взорами. Оба схватились за сабли, сразу нацепили на пояса. Де Гравье взялся за мушкет, маркиз потянулся к пистолету. Оба вопросительно посмотрели на меня.

Я подкатил небольшой бочонок пороха. На разбитом корабле были небольшая пушка и порох. Правда, порох пушечный – зерна крупноваты. Но другого у меня не было.

Французы уселись на ящики, а я предложил им вина и сухарей. Оба с жадностью накинулись на еду.

Хотя языковой барьер сильно мешал, но тем не менее мы принялись обсуждать, что делать дальше. О бездействии и речи не было. Все трое осознавали, что утром пираты поймут – пленники каким-то образом освободились от пут и укрываются в лесу. С островка деться некуда, и капитан пиратского судна устроит облаву. Следовательно, вопрос нашей жизни и смерти предрешен. Остается единственный вариант – попытаться перебить пиратов и захватить судно.

Наши шансы победить очень невелики, погибнуть можем все, но хотя бы в бою, а не как овцы на заклании. В случае успеха можно уплыть с острова. Учитывая, что вдали видна полоска земли, нам не потребуются знания и умения навигации. Французы предложили напасть на пиратов прямо сейчас, ночью, пользуясь тем, что они пьяны.

После обсуждения я выдвинул другой план. Заключался он в том, что ближе к утру французы занимают свои места у деревьев, как будто они там провели всю ночь. Поскольку их руки будут заведены назад и не видны спереди, им следует держать в руках по пистолету и сабле. Я тем временем попытаюсь проникнуть на шхуну и захватить ее. Учитывая, что почти все пираты будут на суше, это вполне реально. На шхуне будет один, может быть, двое дежурных, а если повезет, то и никого. Пираты – не регулярный флот. К чему выставлять дневальных на необитаемом островке, когда рядом, на берегу, вся команда? А для нас захват судна важен чрезвычайно. Я уже видел, что на шхуне есть пушечные порты, стало быть,

есть и пушки. Они усилят нашу мощь многократно, с ними у нас есть шанс одержать победу. Что смогут противопоставить пираты, находящиеся на берегу, без укрытий, с саблями и пистолетами, пушечному огню в упор?

К тому же абордажные сабли, которыми вооружены пираты, удобны лишь при захвате судов. Они короче и шире обычных сабель, чтобы эффективней действовать в стесненных условиях корабля, где мешают теснота, переходы, трапы, свисающий такелаж. На берегу же обычная сабля имеет преимущество тем, что длиннее на пядь. В бою это преимущество может оказаться решающим.

Порешили на том, что я захватываю судно, готовлю пушки и жду. Как только пираты направятся к пленникам и подойдут близко, те из пистолетов произведут по выстрелу, попытавшись убить капитана и его помощника, а дальше будут рубиться на саблях. Услышав выстрелы, я поддержу французов огнем из пушек. Поскольку перезарядить их не будет времени, да и не знаю я, где хранятся на шхуне порох, ядра и картечь, спрыгиваю с судна на берег и вступаю в схватку с пиратами.

Были, конечно, в нашем плане шероховатости, но выбора у нас не оставалось. Теперь все зависело от удачи. Главное – проникнуть на корабль и перебить охрану.

Решили – пленникам идти сейчас к опушке, наблюдать за пиратами. Мне – пытаться захватить шхуну ночью: все-таки темнота поможет, да и пираты пьяны. Если план по ка-

ким-либо причинам сорвется, всем вступать в бой одновременно.

Мы поднялись и двинулись в путь. Поскольку остров я уже неплохо знал, то быстро вывел французов на опушку леса, прямо к деревьям, где они были привязаны ранее. Большая часть пиратов уже спала на песке в живописных позах, но несколько разбойников еще бродили по берегу. Похоже, исчезновения пленников никто пока так и не заметил.

Мы пожали друг другу руки, и я пошел назад, в лес. Я решил отойти по лесу, выйти на берег и подобраться к шхуне по воде, но не вплавь, а идя от берега по мелководью. По берегу – опасно, можно нарваться на пьяного пирата, вплавь – не позволят оружие и сапоги, которые на мне.

Я попрыгал – никакого бряцания нет. На поясе были только сабля и нож. Свой испанский пистолет я отдал шевалье.

Я обернулся в сторону восхода, осенил себя крестным знамением и вошел в воду; осторожно переступая ногами, чтобы не упасть и не плеснуть водой, подошел к корме шхуны.

Темная громада корабля нависала надо мной на добрых четыре метра – кормовая надстройка всегда выше палубы. Я подошел к борту и, как слепой, стал шарить рукой по обшивке. Должна же где-то здесь быть веревка. На парусных кораблях с борта всегда бросали за борт веревки – так называемые концы – на случай, если кто упадет за борт, он сможет ухватиться за спасительный конец. К веревкам, кроме

того, крепили лини с грузом для измерения глубины, а также для измерения скорости хода корабля.

Наконец я нашел веревку, подергал ее – прочная, не гнилая, с завязанными на ней узлами. Тем лучше – легче взбираться на борт будет.

Я стал подтягиваться на руках, упираясь подошвами в обшивку борта. Когда голова уже поднялась над поручнями, ухватился за них руками и замер. Надо осмотреться. Вроде тихо, никакого движения. Я подтянулся и перевалился на палубу. Господи, как же воняет на шхуне! Запах прогорклого жира, пролитого на палубу вина, вонь немытых тел – все смешалось в невыносимое амбре. И как только они здесь могли существовать?

Я лежал на палубе и вслушивался в ночную тишину. С одежды стекали струйки воды. Ночь была темной, безлунной, и только отблески пиратского костра на берегу позволяли видеть хоть что-нибудь в неверном колеблющемся свете. На палубе, рядом со сброшенным на берег трапом, послышался всхрап. Ага, все-таки есть дневальный, только он спит.

Я ползком стал подбираться к пирату. Так и есть, спит, широко разинув рот.

Я вытащил нож из ножен, толкнул свободной рукой спящего. Нельзя убивать сонного – обязательно вскрикнет, надо разбудить. Пират прекратил храпеть, вздрогнул и открыл глаза. Больше он ничего сделать не успел – я всадил ему нож

в сердце. Пират дернулся и затих. Не вытаскивая нож, чтобы не залить палубу кровью, я волоком подтащил труп к открытому люку трюма, выдернул нож из тела, обтер его об одежду пирата и столкнул труп в трюм.

Раздался глухой удар.

– Ты что, так нажрался рома, что не видишь люка? Сейчас я тебя поучу, скотина! – раздался голос с кормы.

Ко мне нетвердой походкой направился еще один пират. Его в темноте я не увидел и не услышал, когда проник на шхуну. Я улегся на краю проема в трюм, выхватил нож и сунул лезвие под себя, чтобы не блеснуло предательски в ненужный момент. Пират приблизился, пнул меня ногой:

– Каналья!

Больше он не успел ничего сказать. Я сделал подсечку ногой и, когда пират грохнулся на спину, здорово ударившись головой о палубу, я пырнул его ножом. Нож тут же выдернул и стал вслушиваться – не преподнесет ли темнота новых сюрпризов? Нет, на судне тишина. Я спихнул тело в трюм.

Ползком, чтобы не возвышаться над бортом, обследовал судно. Нет, больше никого не было.

Я спустился по трапу на орудийную палубу. Почти ничего не видно. Я на ощупь стал обследовать пушки. Сунул руку в ствол одной, нащупал пыж. Отлично, значит, там картечь. Для стрельбы по живым целям – самое то. То же во второй пушке и в третьей. К сожалению, в трех других – ядра. Они хороши, когда стреляют по кораблям, пробивая обшив-

ку и ломая шпангоуты. Но и три пушки, готовые к стрельбе, – удача. Надо еще найти жаровню и металлический прут. В темноте, натыкаясь на различные предметы и набив пару шишек на лбу, я нашел жаровню, а рядом с ней – прут и куски древесного угля. Завтра, с первыми лучами солнца, мне надо будет разжечь уголь. Мне на руку, что он горит почти бездымно, не привлекая внимания.

Пушечные порты – такие крышки, закрывающие борта от воды, открою в последний момент, когда уже буду готов к стрельбе, чтобы не насторожить пиратов раньше времени.

Я выбрался на верхнюю палубу, улегся рядом с трапом. Если еще кого-либо занесет на шхуну, придется успокоить непрошеного гостя. Интересно, как там мои французы? Не сдрейфят ли в решающий момент? Я их знаю несколько часов, никогда не видел в бою, можно ли на них положиться? Судя по тому, как уверенно они обращаются с оружием, можно предположить, что воины бывалые. Однако же попали в плен. Сдались? Или были захвачены пиратами врасплох?

Пираты наконец угомонились, даже самые стойкие выпивохи улеглись спать. Костер догорал, только тлели угли. Я и сам начал впадать в некоторое оцепенение, хотелось спать. Наверное, скоро рассвет, по себе знаю – самое тяжелое время, когда сильнее всего хочется спать, от четырех до шести утра.

Наконец забрезжил рассвет. Темнота стала сереть, види-

мость постепенно улучшалась, и вскоре я смог разглядеть у деревьев моих французов. Они стояли смирно, как будто привязанные. Пираты спали – никто даже не шелохнулся, и я решился подать соратникам знак – приподнялся над бортом и помахал рукой. Почудилось мне или нет, но французы кивнули. Это славно, значит, они поняли, что шхуна захвачена, и это взбодрит их, придаст сил. Теперь дело за вами, а я постараюсь не подкачать. Только от наших совместных действий зависит, уйдем мы отсюда на корабле или наши трупы истлеют на островке, поклеванные стервятниками.

Постепенно начали просыпаться пираты. Вставали, нетвердой походкой подходили к морю, опорожняли мочевые пузыри, шли к бочке с ромом, зачерпывали его ковшом, похмелялись. От вечернего и ночного веселья не осталось и следа. Рожи помятые, злые. Наступал ответственный момент: а ну сейчас попрутся на шхуну? Но, видимо, за период плавания судно им настолько осточертело, что никто даже головы к шхуне не повернул.

Снова вспыхнул костер, пираты принялись догрызать вчерашнее мясо, снова изрядно выпили. Похоже, они и не собирались сегодня отчаливать. Наконец поднялись и нестройной толпой направились к пленникам.

Я пружиной метнулся вниз, на орудийную палубу, разжег лучины, приготовленные канонирами, подбросил древесного угля и сунул в жаровню металлический прут. Ухватившись за веревку, поднял пушечный порт. Никто и внимания

на это не обратил, все пираты стояли к шхуне спиной. Я пооткрывал остальные порты, стал наводить пушку на толпу. И тут, неожиданно для меня, грянул пистолетный выстрел, за ним – второй. Раздались крики. Все, нельзя терять время. Надо ковать железо, пока горячо.

Я схватил прут из жаровни, поднес к запальнику. Грянул выстрел, все заволокло пороховым дымом. За плотной пеленой ничего не было видно, но я перебежал к другой пушке и поднес запал. Громыхнуло, пушка изрыгнула картечь. С берега неслись крики, стоны, проклятия. Видимо, не промазал. Пороховой дым отнесло в сторону, и я увидел лежащие трупы и раненых. Половина пиратов выбыла из строя. Часть оставшихся, обнажив сабли, бежала к шхуне. Они размахивали саблями и пистолетами, но не стреляли. Ага, попалили вчера на гульбище и не перезарядили оружие.

Я навел по гуще набегающих морских разбойников третью пушку с картечью и жахнул. Все-таки картечь на пятидесяти метрах – оружие страшное. Полетели куски тел, обрывки одежды. До шхуны не добежал никто.

Я выглянул в пушечный порт. У леса кипела схватка. Французам приходилось туго, надо помогать. Я выскочил на верхнюю палубу, по трапу сбежал на берег, у одного из убитых пиратов выдернул из руки абордажную саблю. Она тяжела и неудобна, но теперь у меня в левой руке трофей, а в правой – своя, испытанная в боях сабля.

Добежав по песку до леса, я ввязался в бой. Моего появ-

ления пираты не ожидали, никто не оборачивался назад, и мне удалось сзади заколоть двух пьянчуг. Шевалье де Гравье и маркиз де Люссак оборонялись яростно, но на них наседали сразу по три человека. Одному из нападавших на маркиза разбойников я снес голову трофейной саблей и, видя, что шевалье приходится совсем туго, бросился туда.

Ко мне повернулся один из пиратов и со звериным рыком бросился навстречу. Силы у пирата было много, но техники и умения – никаких. Я отбивал его удары левой рукой с трофейной саблей и, выждав удобный момент, всадил испанский клинок ему в шею. Добив другого пирата в грудь, я бросился к шевалье на помощь. Видимо, француз совсем выдохся и только защищался. Минуты жизни его были бы сочтены, не приди я на помощь.

Я напал на пирата, яростно вращая обеими саблями. Ошеломленный, он стал отступать, споткнулся об убитого и упал. Подняться ему я не дал, рубанув саблей по ноге, а затем вогнав трофейную саблю в живот. Затем обернулся к шевалье. Он был ранен в руку, кровь обильно пропитала рукав его рубашки.

Пират уже предвкушал победу, сабля в его руке летала молнией и вдруг высекла искры, столкнувшись с моей. Пират резко повернулся ко мне, но тут шевалье де Гравье собрался с силами и вонзил свою саблю пирату в спину. Пират на мгновение замер, и я его добил, чиркнув саблей по шее. Шевалье побледнел и без сил уселся на землю.

Я бросился к маркизу. Одного из двух оставшихся противников он ранил в живот, и тот сейчас в предсмертных муках корчился на земле, а второго совместными усилиями мы быстро одолели. Маркиз де Люссак тяжело дышал – видимо, он последние минуты дрался на одном характере, потом сел на поваленное дерево. Пусть передохнут, им досталось больше моего.

Я добил раненного в живот пирата, стал обходить берег. Где находил раненого, немедля добивал. Нельзя оставлять за собой недобитого врага, если не хочешь получить нож в спину. Обошел и осмотрел все поле боя. Неужели мы сделали невозможное?

Судно слегка покачивалось на волне, берег был усеян мертвыми телами пиратов. Начиная осуществлять план, я сомневался, удастся ли совершить задуманное? Слишком велика разница в силах, да еще и языковой барьер затруднял взаимодействие. Я беспокоился – правильно ли меня поняли французы. Но мы сделали это, мы победили.

Я добрел до опушки, присел перед де Гравье. Он был бледен, сказывалась кровопотеря. Я вытащил нож, отхватил от его же рубашки край подола и перевязал руку. Больно, но рана не смертельная. Можно и дух перевести. Де Люссак уже отошел, отдышался. Поднявшись, он подошел к нам, пожал мне руку, долго и быстро что-то говорил. Я ни черта не понял.

Теперь можно и перекусить, даже немного выпить. Вре-

мени у нас полно.

Одежда, лицо, руки у всех нас были в крови, как в фильмах ужасов. Я добрел до воды, умылся, застирал одежду. Оказалось, на левой руке есть две небольшие раны. Когда я их получил, даже не почувствовал. Глядя на меня, подтянулись и французы. Обмылись, прополоскали одежду и за неимением другой натянули ее на себя в мокром виде. Ну и слава богу, стали походить на людей, а не на кровавых маньяков.

На мачте пиратской шхуны болтался пиратский флаг. Я внимательно посмотрел на маркиза – он моложе всех, к тому же шевалье потерял много крови. Маркиз понял, полез на мачту, цепляясь за ванты, сорвал и сбросил флаг в море. Уже лучше. Не сговариваясь, мы подошли к затухающему костру, поели остатки пережаренного мяса, запили ромом.

После схватки с пиратами вставал насущный вопрос: как уплыть на судне? Шхуна – вот она, только как управлять ею втроем, учитывая, что один из нас ранен и ослаб? Я лично в мореходном деле не смыслил ничего.

Французы сидели у костра, переговаривались. Я же полез на шхуну – надо посмотреть, что у нее в трюмах.

Через распахнутый люк виднелись какие-то тюки. Недолго думая, я вспорол ножом один тюк. Да это же чай! С чем еще можно спутать эти сухие листики? А запах?! Давненько я не пил чай – может быть, кто-то из купцов и привозил для себя это заморское чудо, но что-то на торгу я его не встречал.

Я отыскал небольшой котелок, щедро сыпанул туда чая, залил водой, подвесил над костром. Вскоре от котелка распространился дивный, почти забытый аромат. Французы завертели носами, живо обсуждая увиденное. Я снял котелок, разлил по кружкам. Не спеша прихлебывал из кружки, наслаждаясь вкусом. Это не какой-нибудь грузинский пополам с трухой. Чай был красновато-коричневого оттенка, с божественным ароматом и терпким вкусом.

Французы восхищенно цокали языками: им напиток нравился и, похоже, был знаком. Не спеша, на троих опустошили весь котелок чая, и мне даже показалось, что прибавилось сил.

Я подсел к костру. Теперь надо решать, как нам выбираться. Земля видна вдалеке, можно добраться без карты и штурманских познаний, но как управляться с парусами? Маркиз, как мог – на смеси английского, французского и жестами, – объяснил, что он сможет поднять один носовой парус с моей помощью, а де Гравье постоит за штурвалом – невелика наука, к тому же не по узкому фарватеру в шхерах пойдем.

На том и порешили, договорившись выйти утром. А сейчас – отдыхать. Шевалье надо немного восстановиться, а мне перетащить наиболее ценные вещи на пиратскую шхуну. Я не привык лениться и тянуть время и потому сразу направился к своей хижине. Немного груза, но за одну ходку не унесу. Сначала захвачу сундучок из каюты капитана – там деньги и карты, вторым рейсом – оружие. Жалко бросать его

здесь ржаветь. Тем более что оно отличной шеффилдской стали.

Я перетащил сундучок, изрядно оттянувший мне руки. Маркиз сидел с шевалье, продолжая отдыхать. Я покачал головой, показал на разбросанное пиратское оружие – сабли, пистолеты. Оно нам еще может самим пригодиться, а при нужде продадим, будут деньги. Оружие в цене, воюют все – разбойники, пираты, армии, королевства.

Маркиз нехотя поднялся, стал собирать сабли и нес их перед собой, как охапку дров. В бою он проявил себя неплохо, дрался просто отчаянно, а сейчас опустил руки. Или господа-дворяне считают, что раз я московит, стало быть – варвар? И должен им прислуживать? Конечно, как воевать или охотиться – занятие дворянское, ну тогда и освобождались бы из плена сами, чего же принимали помощь от варвара?

Я сделал вторую и последнюю ходку к хижине, перенес оружие и кое-какую одежду.

Маркиз уже собрал все боевое железо и грудой свалил его на палубе. Я что – холоп при них? Я со злости спихнул все оружие в открытый люк трюма.

Надо теперь куда-то пристроить капитанский сундучок и свои личные вещи. Поколебавшись, я потащил сундучок в каюту капитана пиратов. В каюте было почище, чем в некоторых других местах шхуны: на полу – персидский ковер, не иначе пиратская добыча. А в шкафу я нашел богато украшенный золотым шитьем камзол и мешочек золотых монет.

Развязав его, я с любопытством разглядывал монеты – таких я на Руси не видел. По окружности и в центре вилась арабская вязь. Не иначе – цехины. Как бы они ни назывались, все равно золото, пригодится. Я бросил мешочек в капитанский сундучок, а сам сундучок затолкал в шкаф.

Вторым рейсом я перенес оружие, не спеша зарядил пистолет – пусть лежит готовым к действию. Спать улегся в каюте, ложе пиратского капитана было широким и мягким. Душновато в каюте было, а окна не открывались. В ней были именно окна, а не иллюминаторы.

Французы вытащили со шхуны матрасы и устроились на берегу, рядом с судном. Воздух здесь был свежий, морской, без застарелой вони, как на судне, и влажной духоты. Французы долго болтали между собой, под их болтовню я и уснул.

С первыми лучами солнца я уже был на ногах. Меня грела мысль, что сегодня я покину необитаемый островок. Умывшись, я развел костерок. Надо вскипятить воду, попить чаю, пусть и с сухарями. Не на пустой же желудок отправляться в плавание.

На запах свежезаваренного чая подошли французы. Почаевничали и решили отплывать.

Шевалье де Гравье встал за штурвал, сегодня он уже выглядел получше: хоть и был еще бледен, но на ногах держался уверенно.

Я отвязал от камней швартовы, втянул на борт тяжеленный трап. Маркиз де Люссак ловко взобрался по вантам на

реи мачты, призывно махнул мне рукой. Делать нечего, пришлось лезть, уподобляясь пьяной обезьяне. Маркиз отвязывал рифы, показывая мне, что я должен делать. Носовой парус с хлопком упал, и я еле удержался, чтобы не свалиться на палубу. Парус наполнился ветром, и мы медленно отвалили от острова.

Ура! Мы покинули этот остров, и пусть со шхуны пока еще можно было перепрыгнуть на сушу, наш морской поход начался.

Мы еще вчера решили не рисковать, идти только под одним носовым парусом. Пусть скорость при этом невелика, но судном можно управлять нашими скромными силами, и самое главное – пусть медленно, но мы будем с каждым часом приближаться к такой вожделенной земле.

От избытка чувств я заорал что-то невразумительное. Маркиз и шевалье удивились, но поняв, что я ору просто так, в ознаменование нашей победы и отплытия, дружно прокричали «Виват!».

С высоты мачты земля была видна лучше, чем с берега. Мы спустились на палубу. Французы снова что-то затараторили на своем языке.

А я уселся на носу и стал глазеть по сторонам.

В пределах видимости судов не было, хотя я в душе и побаивался встречи с любым кораблем. Должного сопротивления мы оказать не сможем и можем стать легкой добычей любого судна, которое захочет нас атаковать.

Земля меж тем приближалась, на ней уже можно было разглядеть холмы, покрытые зеленью, и даже какую-то деревушку. Я указал на нее шевалье, и он подправил курс шхуны штурвалом. Ветер дул ровный и попутный, и после полудня мы уже подошли к земле.

Что это за суша? Какая страна? Мы с маркизом взобрались на мачту и убрали парус. Шхуна по инерции прошла еще полсотни метров и мягко ткнулась носом в прибрежную гальку. Маркиз лихо спрыгнул с палубы на берег и отправился к недалекой деревушке.

Навстречу ему уже бежали любопытные дети. Вот они встретились, коротко переговорили, и маркиз вдруг развернулся и бросился бежать к нам. Я почуял неладное, сбросил за борт веревочную лестницу. У пиратов с каждого борта были приготовлены и лежали свернутыми по лестнице. Маркиз ловко вскарабкался по ней и выдохнул:

– Надо скорее убираться!

Не говоря ни слова, мы полезли на мачту, спустили парус, развернули его по ветру. Шхуна медленно, царапая килем дно, отошла от берега.

Когда мы удалились уже метров на сто и стали перекладывать парус, на берег сбежались взрослые жители деревни, потрясая топорами.

У некоторых в руках блестели сабли. Мы переложили парус, и шхуна медленно, а затем быстрее и быстрее стала набирать ход. Маркиз вытер пот со лба.

– Деревня Стогр, Шотландия. Наши враги! Мы чуть не угодили в плен.

Ага, уже какая-то ясность. Королевство Шотландия на север от королевства Англии – стало быть, нам надо обогнуть ее с севера и по Ла-Маншу спуститься к югу. Тогда слева от нас окажутся земли Франции. Я мысленно представил карту. Далековато нас занесло на бриге торговой миссии мистера Смита во время страшного шторма, когда корабль потерял управление, – не иначе как к группе Гебридских островов, что лежали к северо-западу от Англии. Ну хоть прояснилось, где мы находимся.

Я слегка воспрянул духом. По моим прикидкам, до Франции не так уж и далеко – правда, с такой скоростью, как у нас, мы можем ползти долго. И если нам никто не помешает…

Шевалье де Гравье тоже понял, где мы, и держал курс вдали от берега, но в пределах видимости. Удаляться далеко в открытое море мы не рисковали, мореходы из нас были плохие. Хотя маркиз де Люссак явно когда-то плавал на морском судне – чувствовалась практика.

Шли до ночи, остановились у какого-то малюсенького островка, но приставать не стали, бросили якорь. И светильник на корме не зажигали, чтобы не выдать себя. Пожевали сухарей и солонины, запив изрядной порцией вина. Вот чего у нас было в избытке, так это спиртного – несколько бочонков с ромом довольно противного самогонного вкуса, но крепкого, не менее семидесяти градусов. А также несколько

бочек вина, причем разного, как мы успели понять. Вот его мы и пили – с пресной водой было туговато, да и отдавала она затхлостью.

Все молча улеглись спать. Каждый обдумывал предстоящий путь. И если французская земля была уже недалеко, то мне еще предстояло возвращаться домой, на Русь, через пол-Европы.

Утром все поднялись чуть свет, настроение было тревожным. По той самой простой причине, что мы должны выйти в довольно оживленные воды, где сновали и гражданские, и военные суда. Пронесет или нет – кто знает? Капитан какой страны захочет посмотреть, что за шхуна идет без флага? Мы бы и повесили на мачту флаг – той же Франции, да только где его взять на пиратской шхуне?

В молчании погрызли сухарей, выпили немного вина и полезли на мачту распустить парус. Но шхуна упорно не хотела двигаться с места. Якорь! Мы забыли поднять якорь. Снова спустились, стали вдвоем с маркизом крутить лебедку. Наконец шхуна стронулась с места и стала набирать ход.

На горизонте появлялись белые паруса, но вскоре исчезали. Попадались суда и попутные, сплошь торговые. Наши пушечные порты были закрыты, команда малочисленна. Рассмотрев наше судно в подзорную трубу, пузатые торговые суда следовали дальше, не проявляя к нам интереса.

Далеко слева показалась земля.

– Франсе! – заорали оба француза.

Я был в сомнении – что-то уж очень быстро, но возражать не стал. Может быть, они узнали родные берега?

Земля приближалась, и мы все с нетерпением ждали встречи с ней. Земля – это конец моего плавания, это начало обратного пути, дорога к дому.

Постепенно начало темнеть. На берегу стали зажигаться огоньки. Шевалье правил судно туда, где огней было больше. И вот настал момент, когда мы вошли в бухту – в порту стояло множество судов. Куда это мы попали?

Мы с маркизом спустили парус, оставив совсем маленький косой на носу. Шхуна довольно сильно приложилась к пирсу, но обошлось без повреждений. Я спрыгнул на причал, стал привязывать швартовы. Добрались, я жив и я на земле, перед нами – порт, город. Уж я найду способ выбраться отсюда, тем более что деньги у меня есть – и судовая касса с разбитого английского корабля, и трофейный сундучок капитана пиратской шхуны.

Маркиз и шевалье без труда перепрыгнули через борт на камни высокого причала – борт судна возвышался над причалом всего на метр. Пока мы озирались, к нам подошла портовая стража.

Мои французы и стража стали оживленно болтать на французском, указывая то на меня, то на шхуну. Я стоял спокойно – видимо, они рассказывали о своих злоключениях. Но жизнь всегда полна неожиданностей…

Все трое стражников подошли ко мне и на английском

объявили, что я арестован. Я онемел от известия. Такого удара я давно не получал. За что? Стражники пояснили, что, со слов уважаемых господ, это их судно с драгоценным грузом чая, а я – пират, пытавшийся захватить судно. Какая подлость! Я рванулся к французам, но стоявшие настороже стражники схватили меня за руку. Старший отцепил с пояса мою саблю. Де Гравье стоял, опустив голову, а маркиз де Люссак смотрел на меня с вызовом. Во взгляде его было презрение, высокомерие и даже ненависть. О как! Что я плохого им сделал, чтобы упечь меня в тюрьму?

Никого из знакомых здесь у меня нет, попробуй на суде докажи, что это я спас этих двух мерзавцев. Я – еще неизвестно кто, а эти французы – дворяне. По существовавшим тогда традициям в обществе в суде положение этих лиц не позволяло лгать.

Не иначе как господа позарились на шхуну и дорогой груз. Сволочи, отплатили «добром»!

Меня повели по причалу. Пока не затолкали в каталажку, надо выяснить – где я?

На мой вопрос стражники рассмеялись.

– А еще пират! Неужели Амстердам не узнал?

Вот это новость. Я думал, это Франция, а Амстердам – все-таки Нидерланды. Самый крупный порт Средневековья, перекресток всех морских дорог.

В моей душе бушевали гнев и ощущение несправедливости по отношению ко мне. Прочь эмоции, надо трезво взве-

сить ситуацию.

Легче всего сбежать сейчас, пока не заковали в кандалы и не увели далеко от порта. Ночью в незнакомом городе можно заблудиться. К счастью, стражники меня не обыскали, только сняли с пояса саблю в ножнах.

Я вытряхнул в ладонь кистень. Наивные голландцы, небось, и не подозревают о таком оружии. Я с силой метнул кистень старшему стражнику в затылок – он шел впереди меня. Шедшему справа – ребром ладони ударил по кадыку. Шедший слева от неожиданности застыл. Я тюкнул его кистенем в лоб, но не жестко, не насмерть. Все трое через некоторое время отойдут, очнутся и наверняка поднимут тревогу. Времени у меня немного.

Я забрал у старшего стражника свою саблю, прицепил на пояс и бегом помчался назад, к шхуне.

Вот она, покачивается у причала. Из окон на корме виден слабый свет. Я вихрем ворвался в капитанскую каюту. Французы стояли у стола и в неярком свете масляного светильника рылись в моем трофейном сундучке. На столе лежали две кучки монет. Не иначе как делят.

Маркиз де Люссак стоял спиной к двери и на шум успел лишь обернуться. Я вонзил саблю ему в живот, провернул, вытащил и уколол в сердце. Шевалье де Гравье сидел на скамье рядом со столом ни жив ни мертв. Такого исхода они явно не ожидали. Избавились от меня, сдав в тюрьму и в дальнейшем на виселицу – пиратов не щадили, – и сразу же давай

деньги делить. Интересно, кому бы достались шхуна и груз чая? Или продали бы и выручку поделили?

Я смотрел в глаза шевалье, раздумывая, как поступить с ним? Де Гравье сполз со скамьи, встал на колени:

– Пощади, я не виноват, это все он придумал, – рукой шевалье показал на убитого маркиза.

Я уже решил не убивать его – свяжу, брошу в трюм, долго он не просидит. Стражники очнутся, пойдут к шхуне и освободят его. Но шевалье поступил иначе. Когда я, отвлекшись от него, стал собирать монеты со стола и бросать в сундучок, он выхватил из-за пояса пистолет. Краем глаза я заметил резкое движение, присел и с левой руки выбросил кистень. Шипастый груз вонзился ему в переносицу, из носа хлынула кровь, и шевалье упал на ковер, так и не спустив курок. Эти двое равны друг с другом в своей подлости.

Я сгреб в сундучок последние монеты, захлопнул крышку. Надо срочно уносить ноги.

Взгляд упал на шкаф. Я распахнул дверцы, надел расшитый золотом камзол. Конечно, я выглядел странновато – богатый камзол, грязноватые, потасканные штаны, и на голове нет даже захудалой шляпы. Ладно, не в торговой лавке. Я подхватил сундучок и спустился со шхуны на причал.

Куда идти? Решил выбрать небольшое судно, где бы нашлась для меня каюта – пусть и маленькая, и уговорить капитана доставить меня в Ганзейские земли – тот же Росток. Безрезультатно обошел три судна, а на четвертом повезло.

Капитан небольшого шлюпа согласился подбросить меня до Ростока.

– Располагайтесь, мсье, вот каюта. Завтра с утра выйдем в море.

– Я бы настоятельно просил выйти прямо сейчас.

– К чему такая срочность?

– Дела, за срочность – двойная цена.

Лицо капитана расплылось в слащавой улыбке:

– Можно выйти и сейчас, но я бы хотел получить все деньги вперед.

Или он меня за нищего принял? А может, за грабителя, которого вскоре могут арестовать, и тогда плакали его деньги? Я усмехнулся и отсчитал капитану четыре золотых. Капитан попробовал монеты на зуб, удовлетворенно кивнул и зычно рявкнул: «Боцман!»

Как из преисподней, перед нами предстал боцман – с виду сущий пират. У меня шевельнулась мыслишка: «Не попал ли я из огня да в полымя?»

Капитан бросил боцману:

– У нас на борту уважаемый гость. Проводи его в каюту и поднимай своих лежебок, выходим в море.

– Есть, капитан!

Боцман провел меня в каюту, пожелав спокойной ночи, вышел, и тут же раздалась трель боцманской дудки. По палубе затопали ноги босых матросов. Кораблик качнуло, в борт ударила волна. Мы отходили от причала.

Я осмотрел каюту. Малюсенькое помещение два на два метра – узкий рундук с матрасом сверху, скромный шкаф и столик с зеркалом над ним в углу. Над дверью горит масляный светильник. Никаких окон или иллюминаторов нет. Глухой ящик. Мне это не понравилось, учитывая разбойничью рожу боцмана.

Я нашел деревянную задвижку на двери, заперся изнутри. Повесил нарядный камзол в шкаф, снял сапоги и улегся на рундук, уложив рядом с собой саблю, а на стол – заряженный пистолет. Сундучок стоял под столом, не бросаясь в глаза. Теперь можно и отдохнуть.

Качка усилилась, корпус судна кренился на правый борт. Похоже – вышли из порта, идем в открытом море.

Незаметно я уснул и проснулся утром от стука в дверь.

Я открыл задвижку, держа за спиной пистолет.

– Завтрак готов, мсье. Куда прикажете подать – в каюту или на палубу?

– В каюту.

Матрос принес на подносе завтрак – тонкие ломти хлеба с копченым мясом, кусочки сыра и кувшин вина. Я не спеша позавтракал и поднялся на палубу.

Вовсю сияло солнце, ветерок надувал паруса шлюпа. До верхней палубы долетали брызги от волн, бьющих в борт. После спертого воздуха в каюте просто замечательно дышалось.

Я подошел к капитану, стоящему на мостике рядом с ру-

левым.

– Где мы находимся?

– Справа от нас уже идут германские земли. Ежели погода продержится такой, как сейчас, завтра уже будем в Ростоке.

– Отлично!

Ага, значит, уже обогнули материковую часть Дании и плывем по Балтике. Я и понятия не имел, где этот чертов Росток, кроме того, что это где-то на севере Мекленбурга – одной из германских земель, но не говорить же об этом капитану.

И правда, к исходу следующего дня мы ошвартовались в Ростоке, и я благополучно сошел на немецкую землю.

Порт был большой, но не шел ни в какое сравнение с Амстердамом – тот был поболе раза в три. Я походил по причалам, но российских судов не нашел, и пришлось взойти на попутное судно, следовавшее до Ревеля. Судно было торговым, но имелось у него одно преимущество перед всеми – оно отправлялось тотчас. Фактически я вскочил на подножку уходящего поезда.

Небольшую двухместную каюту пришлось делить с каким-то торговцем, который мне не мешал, проспав почти весь путь…

Через три дня мы достигли балтийского побережья Новгородской земли, и я сошел в Мемеле, а через два дня был в Яме. Дальше мой путь лежал по суше. Да и надоели эти корабли изрядно: места мало, еда однообразная – сухари, со-

лонина, к тому же скорость и целостность корабля зависят от погоды. Дует ветерок – идет судно, полный штиль – кораблик может простоять в миле от порта назначения день, а то и неделю. Нет, не по душе мне морские вояжи. Да и душа уже рвалась домой. Всего-то километров шестьсот до Вологды и осталось. Добираться решил через Устюжну, почти напрямик.

Чтобы ни от кого не зависеть, я купил на торгу коня, большой кожаный мешок, перегрузил туда содержимое сундучка, перебросил через круп лошади, вскочил в седло и покинул приграничный городишко. Гнал почти до вечера, остановившись на ночь на постоялом дворе.

А через десять дней, измученный непрерывной скачкой, я прибыл в Вологду. Конь исхудал, осунулся, но с честью одолел дорогу. Доброго коня удалось мне купить, хотя я и не завзятый лошадник.

Я по-хозяйски открыл ворота, завел коня во двор. Из-за дома выбежал Васятка, грозно нахмурил брови, но узнал меня в непривычной одежде и кинулся на шею. На визг Васятки выбежала Елена и с ходу повисла на моей шее.

– Задушите, – смеялся я, – дайте в себя прийти.

Я снял с коня мешок, Васятка повел его в конюшню, снял седло, поставил в стойло, задал овса. Совсем как взрослый. Я бросил мешок в угол, обнял и крепко поцеловал жену.

Наконец-то дома!

Глава III

Рассказывать дома о своих злоключениях я не стал – к чему беспокоить домашних? После обеда и баньки я положил на стол дорожный мешок и приступил к ревизии. Морские карты отложил в сторону – может быть, и пригодятся в дальнейшем, хотя снова в море меня совсем не тянуло. Пересчитал монеты – их оказалось сто восемьдесят штук, причем разных стран, разного веса, в общей сложности – килограммов пять. Неплохо!

На следующий же день мы пошли на торг. Надо же было порадовать домашних подарками. В Англии я не побывал, до Франции не добрался, из Голландии еле унес ноги, едва не попав в тюрьму и на виселицу. Одним словом – было както не до выбора подарков. Теперь же в кошеле позвякивали монеты.

Я взял на торг пять золотых. Выбрал Елене красивое жемчужное ожерелье и ярко-лазоревый сарафан. Васятка истребовал себе новый кафтан, и после многочисленных примерок мы и ему купили обновку.

Возвращались домой довольные друг другом. Дарить ближнему подарки – не меньшее удовольствие, чем их получать. Тем более что истратил я на все про все один золотой цехин. Привезенного мною золота могло хватить надолго.

Потянулась спокойная налаженная жизнь. Я съездил пару

раз на свой заводик, получил деньги от проданного скипидара. Но сидеть дома и отлеживать бока было не в моем характере. Я много занимался с Васяткой, учил его математике, письму, чтобы парень не рос неучем.

Иногда по велению души, как и почти все горожане, посещал церковь. Обычно ходили в церковь Николы на Ленивой площади, что в Верхнем посаде.

По праздникам я делал пожертвования в церковную кассу, не выделяясь, впрочем, среди других прихожан. Купцы, промышленники регулярно вносили десятину от доходов на пожертвования храму.

На один из праздников, а если быть точным – святых праведных апостолов Петра и Павла, когда после службы я выходил из церкви, ко мне подошел церковный служка, слегка дотронулся до рукава и, когда я повернул голову, учтиво поклонился.

– Тебя смиренно просит к себе отец Питирим.

Я немного удивился – пожертвования вносил регулярно, церковь посещал часто. Может быть, церкви еще нужны пожертвования?

Служка отвел меня в небольшую комнату в приделе.

Встретил меня седовласый священник, осенил крестом.

– Беседа приватная у меня к тебе, Георгий. Не для всех ушей, потому и позвал сюда. Присаживайся.

Я уселся в деревянное кресло, с любопытством ожидая продолжения разговора.

– Имя мое ты знаешь наверняка, но все-таки представлюсь – отец Питирим.

– Георгий Михайлов, – привстал я с кресла.

Священник слегка улыбнулся, прошелся по тесной комнате.

– В святцах Георгий и Юрий – одно имя. И пристально посмотрел мне в глаза.

Я сидел, приняв безразличный вид. Не дождавшись от меня какой-либо реакции, священник продолжил:

– Знаком ли тебе, сын мой, настоятель Печерского монастыря отец Кирилл?

Меня как молнией пронзило. Я невольно тронул рукой место на поясе, где висела сабля. Правда, сейчас я был безоружен – ходить на службу в церковь при оружии воспрещалось. Но движение рукой не ускользнуло от внимательного взгляда отца Питирима.

– Вижу, знаком, – с облегчением выдохнул священник. – Помогал настоятелю Кириллу человек один – житель Нижнего. Монастырь освободил от удавки разбойничьей, многажды Нижнему помогал в борьбе с татарами, казну стрелецкую разыскал, чем бунт предотвратил. Не знаешь такого человека?

Я сидел с каменным лицом. Что это? Ловушка княжеская? Не похоже. Если бы меня люди князя Телепнева-Оболенского выследили, так схватили бы на улице, не ввязывая в это дело церковь. Как церковь вышла на меня, когда я сроду в

Вологде не назывался своим именем? После слов отца Питирима мозги мои бешено заработали, просчитывая ситуацию. Молчание мое явно затягивалось.

– Я внимательно приглядываюсь к тебе, Георгий. Появился ты у нас не очень давно, службы церковные посещаешь, жертвования церкви серьезные делаешь, ведешь себя скромно, заводик прикупил.

Черт! Хоть и не поминают в церкви лукавого, но как они меня нашли? И главное – зачем? Если бы я был Питириму не нужен, он не позвал бы на беседу. Шантажировать хочет, чтобы на крючке держать, или деньги вымогать будет? И только вроде жизнь наладилась – дом обустроили, заводик прикупил. Неужели опять бежать придется, бросив нажитое?

Видимо, я не справился с чувствами – вся гамма эмоций отразилась-таки на лице. Отец Питирим, как опытный психолог, понял мое состояние, подошел, положил руку мне на плечо.

– Не волнуйся, Георгий. Ни церкви, ни ее служителям ты ничего плохого не сделал. Помнишь ли еще отца Никодима?

Я вздрогнул. Да в церкви информация собирается лучше, чем в мое время в КГБ. Отец Питирим знает о многих моих похождениях.

– Раньше ты назывался Юрием Котловым.

– Я и есть Юрий Котлов.

– Хорошо, успокойся. Мне все равно, какая причина заставила тебя изменить фамилию. Если у тебя есть трения с

властями али тебя ищет кто-то из бывших высоких покровителей – церкви это не касается. Телесное, материальное – удел князей и государя, церковь же занимается душами, верой Христовой. Мне кажется, ты сейчас мучительно ищешь ответ на вопрос: как мы тебя нашли?

Я кивнул. Предположения у меня, конечно, были, но хотелось бы услышать их подтверждение.

– Просто сообщили по приходам твои приметы. В Нижнем ты богатые пожертвования храму сделал, церковь регулярно посещал, вот тебя в лицо и запомнили. В Нижнем ты пропал и почти в это же время появился в Вологде. Как тут не сопоставить?

Вот блин, ни одному князю такую сеть по России не раскинуть.

– А сейчас у храма какая беда случилась?

– С чего ты решил?

– Отец Питирим, ты же меня не просто на беседу позвал, стало быть, нужда появилась.

Священник тяжело вздохнул.

– Беда у нас, потому тебя и разыскали. Очень о тебе мнения хорошего служители Божьи, я уж не говорю о прихожанах. Государю не до церкви, других забот много, Литва одолевает. – Питирим замолчал.

И я молчал тоже.

– Беда у нас, в Спасо-Прилуцком монастыре. Я не уполномочен рассматривать все, к тому же знаю немного. Моя

задача была найти тебя. Просьба – пройти или проехать в монастырь, он недалеко от города, обратиться к настоятелю – именем Савва.

– Я знаю, где монастырь, проезжал мимо. Как скоро я должен там быть?

– Желательно не медлить.

– Значит, буду сегодня.

Я понял, что на этом беседа окончилась.

Мы раскланялись, и я пошел домой. Оседлав коня, сказал Лене, что вернусь вскоре.

До монастыря от города было не более двух верст, на сытом и отдохнувшем коне – десять минут скачки.

Я привязал коня у коновязи рядом с монастырскими воротами, постучался. В воротах открылось маленькое окно, выглянул бородатый и мрачный монах. Окинув меня цепким взглядом, буркнул:

– Сегодня служб уже не будет. – И захлопнул оконце.

Я затарабанил вновь. Монах открыл оконце, высунул голову и раздраженно бросил:

– Сегодня…

Больше он ничего сказать не успел. Я пальцами руки, как клещами, сжал его нос.

– Мне не на службу, ты бы хоть спросил, что мне надо. Настоятеля Савву хочу увидеть по очень важному делу. Послан отцом Питиримом. Понятно ли?

Монах не мог ни кивнуть, ни сказать что-либо. Только

промычал.

– Открывай, некогда мне, – и я отпустил его нос, мгновенно покрасневший.

Загремели запоры, в воротах открылась дверца, окованная железом.

– Так бы сразу и сказал, почто за нос хватаешь?

– Веди к настоятелю.

Монах обиженно засопел и крупными шагами направился к длинному зданию.

Я с любопытством осматривался по сторонам – все-таки полторы сотни лет монастырю, основан еще Дмитрием Прилуцким, сподвижником Сергия Радонежского.

Монах провел меня в небольшой, скромно обставленный зал, вышел, и через несколько минут в зал вошел настоятель Савва.

Вот что меня всегда удивляло в монахах – так это несоответствие возраста и внешнего вида. Борода и волосы на голове седые, а кожа на лице без морщин, глаза блестят молодо, и голос звучный, сочный, а не старческий глуховатый и надтреснутый. Лицо немного напоминало лица артистов после подтяжки. Вот и Савва – высок, сед как лунь, а лицо молодое, голос – звучный баритон.

– Ты хотел меня видеть?

Я поклонился.

– Меня попросил приехать в монастырь отец Питирим, я прихожанин этого храма.

Старец внимательно в меня всмотрелся.

– Да, мы искали одного человека, именем…

Он замолчал. Ох и осторожен настоятель.

– Георгий, – продолжил я.

– Начинаю понимать. Пройдем-ка в келью. Старец направился из зала, я последовал за ним.

Зайдя в келью, старец прикрыл дверь, уселся на деревянное кресло, предложив мне сесть на скамью напротив.

– Насколько я осведомлен, в других местах ты носил другое имя.

– Это существенно?

– В общем-то – нет. Но я должен убедиться, что речь идет об одном и том же человеке.

– И как я могу сие доказать?

– Как звали настоятеля Печерского монастыря?

– Отец Кирилл.

– Верно. А к кому направил отец Никодим молодого человека?

– К священнику Дионисию в храм Покрова Святой Богородицы, только не доехал туда человек.

Савва помолчал.

– Похоже, этот человек и впрямь передо мной.

И настоятель поведал следующее:

– Беда у нас, помочь надобно. Направили мы в Боровск, в Рождества Богородицы Свято-Пафнутьев монастырь монаха с послушником. Не простого монаха – проверенного мно-

гажды и не с пустыми руками. Для вновь избранного клиром и государем первоиерарха Варлаама изготовлено было навершие для посоха и риза. Навершие из золота, с каменьями самоцветными, работы искусной, что делалось три года. Риза же золотыми нитями шита, шесть послушниц два года вышивали. Так вот, пропал монах вместе с послушником и дарами ценными. Из Нижнего слухи имеем, что казну стрелецкую ты нашел и из лап разбойничьих вырвал. Настоятель Михайло-Архангельского собора отписывал – де умен, удачлив, язык за зубами держать может и при случае за себя постоит. Ты догадался, о ком я?

Я кивнул. Интересная складывается картина.

Меня что, и здесь в сыщики записали? Не учился я этому ремеслу – так, повезло однажды.

– Так вот, мы бы хотели, чтобы ты взялся за это дело. Нам не важно, будет ли наказан похититель – нам надо вернуть украденное и доставить в Боровск. Там довершат работу над посохом и одеянием иерарха, ну это уже не твоя забота.

Я сидел в раздумье. Отказаться? А если меня «сольют» по-тихому князю? Взяться – вдруг дело окажется выше моего умения и не хватит мозгов, чтобы найти похищенное?

– А сколько времени тому ушел монах?

– Четыре седмицы.

– Пешком?

– Ну зачем – лошадь дали, телегу. Послушник из бывших ратников, меч у него был – не мальчик, мог за себя постоять.

– А чего же охрану не дали – только одного послушника, коли навершие дорогое?

– Чем больше охраны, тем заметнее, тем сильнее соблазн.

– Тоже верно. Как звали монаха и послушника?

– Монаха – Ионой, послушник – Трифон.

– В чем одеты были?

– Известно в чем. В чем монахи одеты бывают – ряса, клобук. Послушник – в подряснике.

– Послушник надежный, проверенный? Не мог ли он…

– Мог, как и любой, в ком алчность победила совесть. Алчность – она у каждого есть, только большинство ее в дальнем углу души гнобит, управлять собою не позволяет. За монаха Иону головой ручаюсь – знаю его двадцать лет.

– Трудная задача.

– Была бы легкая – сами решили бы. Думаешь – тебя легче отыскать было?

Я в голове перебирал варианты – с чего начать поиск? И пока не находил приемлемого. Я знал только отправную и конечную точки маршрута.

– А как они выглядели?

Тут уж задумался настоятель.

– Как может выглядеть монах? Обыкновенно.

– Ну, какого он был телосложения – высокий, низкий, плотный, худой?

– А, вот оно что. Монах – высокий и худой, послушник – высокий, крепкий.

– Приметы были – ну, шрамы на лице, родинки?

– Монах Иона чист лицом, а у послушника на правой щеке и виске – шрам, старый, тонкий.

Уже кое-что.

– Попробую, настоятель, только больно много времени ушло, тяжко следы отыскать будет.

– Вот и попробуй. Не сможешь найти – стало быть, то угодно Господу.

Я раскланялся, настоятель осенил меня крестным знамением, и я вышел.

Обратную дорогу к воротам нашел сам. Монах, завидев меня, живо отворил ворота. Нос его слегка припух и багровел, заметно выделяясь на лице.

Отвязав лошадь, я поехал домой. Ехал не спеша, погрузившись в думы. Задали мне отцы церкви трудноразрешимую задачу. Каким путем поехали монахи, где случилось несчастье? В том, что случилось именно несчастье, я не сомневался. Если бы их просто ограбили, они давно бы уже заявились в монастырь – даже пешком.

Настоятель не сомневается в Ионе, но ручаться за послушника не может. Придется ехать в Боровск и опрашивать по дороге всех – другого пути начать поиски я не видел. Все усугублялось давностью. Месяц – это много, если кто что и видел, так забыть успел или сам куда уехал, например по торговым делам.

«В общем, – сделал я неутешительный вывод, – ждет меня

дорога с нудным выведыванием следов и, вероятнее всего, с плачевным результатом».

Дома я собрал вещи. Собственно, вещей было мало: смена белья, продукты на дорогу; проверил оружие и поутру, попрощавшись с семьей, выехал.

Мало того, что дело не сулило удачи, так еще и заработать не удастся – только геморрой.

Я прикинул, каким путем могли ехать Иона и Трифон. Телега пройдет не везде, где сможет верховой.

В первой же деревне я остановился, опросил жителей. Неудача. Монастырь был недалеко, и монахи ездили часто – в день несколько раз. Опрашивать надо подальше от монастыря: не догадался я, что монахи могут ездить в город за мукой, солью и всем другим.

Решив так, я гнал лошадь часа два и, отъехав на порядочное расстояние, въехал в село. В том, что это было именно село, сомневаться не приходилось – виднелась церковная колокольня. Туда я сразу и направился. Куда заедут на отдых и трапезу монашествующие, как не в церковь.

Священник подтвердил, что видел таких – Иону знает давно, ночевали они у него и уехали дальше.

Тянуть время я не стал – снова пустил коня вскачь. Сколько могут монахи проехать в день на повозке? Верст двадцать пять, сомнительно, что более. Вот через такое расстояние и надо останавливаться мне и сразу – в церковь. Тогда удастся выиграть главное – время.

Уже далеко за полдень я снова привязал коня у сельской церкви.

– Да, Иона был, и уже не в первый раз, – подтвердил священник, – уехали поутру – после службы и завтрака.

И снова гонка, снова опрос священников.

До вечера я успел побывать в четырех церквах. Тот путь, что Иона с Трифоном проделали за четыре дня, я одолел за день. Переночевал на постоялом дворе и спозаранку, после первых петухов, плотно позавтракав, чтобы не терять время на обед, вскочил на коня.

Быстро мелькали деревни, проносились назад поля и леса. Мелкие реки преодолевал вброд, крупные – по мостам, иногда на паромах – здесь они назывались «самолетами». Просто удивительно это современное словечко. И везде, где можно, я расспрашивал людей. Обычно ни одно событие не проходит мимо людского глаза, только надо уметь выспросить, выпотрошить свидетеля.

И наконец мне улыбнулась удача – на перекрестке дорог в сельце уже никто не смог сказать, что видел священника на телеге. Разводил руками и приходской священник сельской церкви. Никто к нему не заезжал; монаха Иону знает – бывал у него о прошлом годе, но ноне не был.

Похоже – события развернулись где-то недалеко.

Поскольку уже был вечер, я отправился на постоялый двор. Поставив коня в конюшню, я плотно поужинал и завалился спать. А поутру стал разговаривать с хозяином и при-

слугой постоялого двора – не было ли, не видел ли кто монахов.

И вот такая интересная штуковина прояснилась. Приблизительно тогда, когда здесь должны были проехать Иона с Трифоном, на постоялом дворе три монаха жили. Ну может, и не монаха, но в черных рясах.

– Кресты на груди были? – уточнил я.

– А то! – удивился половой.

Стало быть, христианской веры те люди.

– И когда они уехали?

– Жили у нас неделю, а съехали аккурат три седмицы назад.

И как я ни пытался выведать – на повозке они были или пешком, в какую сторону, по какой дороге ушли, – ничего не смог выяснить. Слуга твердил: «Я половой, мое дело – кушанья да вино подносить, посуду убирать. За гостями присматривать – на то другие люди есть».

Ну и ладно, хоть что-то для себя интересное узнал.

Надо навестить соседние села, и особенно – священников местных. Чего это трое монахов неделю живут на постоялом дворе? Если человек в пути по делу, то остановился на ночлег, а утром – в путь. А эти неделю жили. Ждали кого-то? А не Иону ли с грузом драгоценным? То, что подрясники на них, еще не говорит о том, что они на самом деле священники. Любой может купить черной ткани и сшить подрясник или купить готовый.

Трое жили – очень удобно втроем одного связать или убить. А послушник, бывший ратник, в расчет не брался? Или о нем не знали? А может, еще хуже – на него рассчитывали?

Вопросов много, только ответов нет. И еще одна маленькая заноза – Иону знали все священники по дороге, стало быть, он частенько ездил по ней. Поэтому выследить его и устроить засаду не представляло трудностей.

Если предположить, что засада и впрямь была и ее осуществили эти трое, рядившиеся в монахи, – где трупы? Трое против двоих, один из которых – бывший ратник и при оружии? Силы почти равны. Должны быть раненые или еще как-то пострадавшие.

Я объехал соседние села, поговорил со священниками. Правда, относились они уже не к Вологодской епархии, а подчинялись Твери. Между делом я интересовался – не приходилось ли за последние две недели хоронить кого-то из паствы, кто незнаком священникам? Нет, не приходилось. В принципе, если были убитые в схватке – их могли закопать втихую, без отпевания, где-нибудь в лесу.

Я ездил по дорогам, внимательно оглядывал обочины. Никаких следов крови, поломанных веток кустарников – ничего. Ну не могли же эти двое испариться, пропасть незаметно. В конце концов – где их лошадь и телега?

Я поинтересовался у местных кузнецов – не подковывали ли они чужую лошадь, которую приводили местные. Двое

сказали, что подковы ставили, но хозяев и лошадей знают как облупленных, а вот кузнец из Ольгинки обмолвился, что седмицу назад монахи из соседнего монастыря приводили подковывать лошадь, которую он раньше не видел.

– Есть в монастыре две лошадки – старый мерин и молодая кобылка. Держат их для разных нужд – дрова привезти, сенца. А тут я и сам удивился – новая лошадь, справная трехлетка. Монахи сказали – купили на торгу. Не наша лошадь, не тверская.

Пришел мой черед удивляться.

– С чего ты взял, на ней что – клеймо стояло?

– Эх, молодо-зелено! Подковы у нее не такие, как у нас. Вот, смотри… – Кузнец взял готовую подкову и показал, в чем разница.

Сам бы я сроду не додумался до такой мелочи – подкова как подкова.

– А где монастырь-то?

– Дык по этой дороге пять верст отсель. Сам-то лошадь перековывать будешь?

– Потом.

Я вручил кузнецу пару чешуек. Интересное наблюдение, надо посмотреть – что там за монастырь.

Я погнал лошадь по дороге и вскоре с пригорка увидел высокие монастырские стены с бойницами. Невелик монастырь – сто саженей на двести, не более. Из-за стен возвышались колокольня и шатры церкви.

Я остановился. Как проникнуть в монастырь? Путником сказаться? Так деревня недалеко, туда и отправят. Силой же его брать не будешь – не война. К тому же причастны монахи монастыря к похищению или ни сном ни духом? Обидеть подозрением нельзя, скандал будет. Осмотреть бы втихую, что там у них? К тому же я и в глаза не видел это навершие, какое оно.

Я объехал на коне монастырь, держась поодаль, чтобы не вызвать ненужного любопытства. Пожалуй, в него можно проникнуть. Одна из стен, выходящая к пруду, низкая. Да и для чего здесь строить высокую стену? Если враг нападет – то только с суши. Пруд – не река и не море, корабль для штурма не подгонишь, лестницу не подтащишь.

Я отъехал к соседней деревне, договорился с хозяином крестьянской избы о постое, поставил лошадь в конюшню. Сам же завалился спать – ночью предстояло бодрствовать.

Вечером я тихонько покинул избу и направился к недалекому монастырю. У приметного дерева разделся, снял сапоги. Оружие с собой не брал – против братии применять его не собирался, к тому же любому оружию вода не на пользу.

Я зашел в теплую водичку, подплыл к монастырской стене, вылез на узкую полоску берега. Стены здесь явно давно не обновлялись. По трещинам, по выступающим камням я взобрался на стену. Была она в этом месте неширокой – не более метра толщиной. Полежал немного наверху, всматриваясь во двор. Кое-где горели факелы, освещая вокруг себя

небольшое пространство. Лишь бы собак не было. Собак в монастырях обычно не жаловали, но бывало иногда, когда охрана была сильной и бдительной – особенно в женских монастырях, – заводили цепных псов. Собаки для меня – самое плохое, что может быть: учуют издалека, поднимут лаем тревогу. Но пока вроде не видно и не слышно ничего подозрительного.

Я спрыгнул вниз – высота забора с внутренней стороны не более двух метров – и чуть не вскрикнул. Голая пятка угодила на голыш. Хорошо хоть ногу не вывихнул.

Я двинулся вдоль стены. В этом месте располагались хозяйственные постройки. С них и начну осмотр. К жилым помещениям пока нельзя – монахи не спят.

Первым я осмотрел небольшое здание. Двери снаружи не запирались на замки – скорее были прикрыты от ветра на деревянные вертушки. Да здесь нечто вроде покойницкой кладовой – стоят пустые новые гробы, деревянные кресты, на полу – стружка. Одним словом – скучно и навевает мысли о грустном.

В следующем здании хранился хозяйственный инвентарь – вилы, грабли, лопаты, метлы, веревки.

Третье здание оказалось конюшней. Заходить я не стал, а от двери посчитал – три лошади, как, кстати, и говорил кузнец. Чего заходить внутрь? Получить по лбу копытом?

А дальше меня ждал сюрприз. Когда я вышел из конюшни, недалеко за углом кто-то негромко кашлянул. Да я не

один, оказывается… Мне повезло – невидимый мною человек выдал свое присутствие кашлем. Кто он такой и что делает ночью на заднем дворе монастыря?

Я стоял, слившись со стеной и затаив дыхание. Медленно подошел к углу конюшни, выглянул. Недалеко от меня стоял крепкий монах. Его черный подрясник сливался с темнотой ночи, и если бы не его кашель, я бы влип.

Монах стоял неподвижно. У него что, послушание такое – стоять ночью неподвижно? Тогда почему не в церкви, перед образами? В голове молнией сверкнула догадка – не охраняет ли он кого? А может, Иона и Трифон здесь? Надо узнать. Один ли монах здесь или есть кто еще? Убивать нельзя – да и оружия у меня нет, но оглушить вполне можно.

Я простоял за углом с полчаса и за это время не услышал ни разговора, ни чьих-нибудь шагов. Скорее всего, монах один. Надо решаться на что-то – не стоять же мне здесь всю ночь?

Я подобрал камешек, перекинул его через голову монаха. Камень легонько стукнулся о стену. Монах сразу повернулся, но подойти к стене не торопился. В один прыжок я вылетел из-за угла, прыгнул на монаха и сцепленными в замок руками ударил его в затылок. Удар был силен – даже кисти рук заныли, и монах свалился на землю. Я прислушался – монах дышал. Вот и славно – крови нет, через полчаса монах очнется, поэтому действовать надо быстро.

Я обшарил монаха. На поясе его висела деревянная ду-

бинка. Это лишнее; парень он крепкий, не приведи Господь – очухается раньше времени и огреет меня по голове. Поменяемся тогда местами – в отключке буду лежать я.

Я забрал дубинку себе, на поясе что-то звякнуло. Никак – ключи? Точно, целая связка. Я сорвал ключи с пояса, подошел к двери, у которой только что стоял монах. Замок тут висел амбарный, здоровенный. Такой не сбить кувалдой. Да и зачем шуметь, когда ключи теперь есть? Второй ключ подошел, смазанный замок мягко клацнул и открылся.

Я отворил дверь. Темно, но внутри точно есть кто-то живой. Тепло здесь и слышно чье-то дыхание.

– Иона? Иона, ты здесь? – спросил я наугад.

В темноте заворочались. Хриплый голос ответил:

– Кто меня спрашивает? Дня не хватило?

– Я от отца Саввы из Спасо-Прилуцкого монастыря. Говори тише, не дай бог услышат.

Раздалось шуршание, к дверям подошел монах в простой рясе, опоясанный веревкой, босиком. Был он таким, каким его описал настоятель – высокий и худой, борода лопатой. Вглядевшись в меня, сказал:

– Незнаком мне твой лик. Зачем потревожил?

И тут его взгляд упал на лежащего без памяти монаха.

– У, оборотень! Предатель!

Он выбежал из двери, пару раз сильно пнул монаха.

– Ты чего, Иона?

– Так послушник это, который помог меня связать.

– Где навершие и риза?

– Где им быть – тут, в монастыре.

– Где точно – знаешь?

– Мне не докладывают. Думаю – у настоятеля.

– За что тебя сюда?

– Долгий рассказ, это монастырь иосифлянский.

– Покажи хоть приблизительно, где келья настоятеля?

– Если не ошибаюсь – вот за той дверью, затем направо по коридору. Что ты задумал? Нельзя кровь проливать христианскую.

– Я и не собираюсь. Надо только забрать у них то, что им не принадлежит. Сможешь через стену перелезть и меня подождать?

– Смогу. А этот? – он кивнул на лежащего.

Я подошел к послушнику, снял с него пояс, связал руки. Оторвал подол подрясника, затолкал в рот. Провел рукой по правой щеке – есть рубец! Стало быть, послушник сдал Иону. Я уже хотел затащить Трифона на место Ионы в узилище, как передумал. Развязал руки, стащил с него подрясник, снова связал руки, оставив его только в исподнем, и волоком затащил в каменное узилище. Запер замок, ключи забросил на крышу. Потом натянул на себя подрясник – эх, клобук бы мне еще на голову, да нету.

– Ты чего стоишь, монах? Лезь через стену и жди, как велено было.

– Чего делать хочешь? Может, и я сгожусь в помощь?

– Лезь, сам попробую сыскать пропажу. Если все пойдет удачно, вскоре встретимся. Не вернусь до утра – возвращайся в Прилуки, расскажи настоятелю, кто предал и где ценности.

Я подсадил монаха на стену, сам же пошел к кельям. Маскировка моя, конечно, лыком шита. Монахов и послушников в монастыре немного, все друг друга в лицо знают, но издалека или со спины не всякий угадает. Я сейчас хватался за любую соломинку.

Целы ли еще и на месте ли риза и навершие, не отправились ли в Москву или другое какое место?

Слышал я краем уха о церковном расколе. «Яблоком раздора» было отношение к монастырским пахотным землям с жившими на них крестьянами. В те годы размеры угодий порой во много раз превышали разумно необходимые для жизни самой братии. Однако же с большим богатством связано немало искушений и опасностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.